20 5/213
/п-ка/
55.

О. ПРОТОІЕРЕЙ

Іоаннъ Григорьевичъ

НАУМОВИЧЪ.

ЕПАРХІАЛЬН
БИБЛІОТЕК

Очеркъ духовно-просвѣтительной дѣятельности о. Наумовича съ приложеніемъ портрета его.

Свящ. І. Соловьевъ.

МОСКВА.

1893.

20 5/213

О. ПРОТОІЕРЕЙ

Іоаннъ Григорьевичъ

НАУМОВИЧЪ.

МОСКОВСКАЯ ЕПАРХІАЛЬНАЯ БИБЛІОТЕКА

Очеркъ духовно-просвѣтительной дѣятельности о. Наумовича съ приложеніемъ портрета его.

Свящ. І. Соловьевъ.

А 296/1344

МОСКВА.
Университетская типографія, Страстной бульв.
1893.

РОССИЙСКАЯ
ГОСУДАРСТВЕННАЯ
БИБЛИОТЕКА
1164-07
Экз. деф.:
нет 1 л. портр.

Дозволено цензурою. Москва, августа 27 дня 1893 года.

Центральный книгообменный фонд
при отделе комплектования
Государственной библиотеки СССР
им. В. И. ЛЕНИНА

2005367059

ЕПАРХІАЛЬНАЯ БИБЛІОТЕКА

I.

Характеръ и значеніе духовно-просвѣтительной дѣятельности отца Наумовича и наше отношеніе къ нему.—Задача предлагаемаго очерка.

4 августа исполнится ровно два года съ того печальнаго дня, какъ въ городѣ Новороссійскѣ почти внезапно и для всѣхъ неожиданно скончался незабвенный славяно-русскій духовный дѣятель, отецъ протоіерей Іоаннъ Григорьевичъ Наумовичъ. Галицко-Русскій по своему происхожденію и сначала уніатскій, а потомъ православный священникъ по своей вѣрѣ и дѣятельности, почившій отецъ протоіерей не только горячо сочувствовалъ духовному — *истинно русскому православному* просвѣщенію своего народа, онъ жилъ для этого просвѣщенія, пожертвовалъ для него всѣми не только удобствами, а и потребностями своей жизни, онъ отдалъ этому дѣлу всѣ свои силы и годы и... умеръ на стражѣ этого дѣла.

Правда, его сорокалѣтняя духовно-просвѣтительная дѣятельность въ бо́льшей своей части была совершена имъ еще въ качествѣ уніатскаго священника и за предѣлами нашего отечества, и даже тогда, когда онъ переселился уже къ намъ въ Кіевъ (въ 1886 году), онъ не переставалъ трудиться и дѣйствовать во благо именно родной своей Галиціи; но это нисколько не умаляетъ значенія дѣятельности отца Наумовича на пользу Русскаго народа. Галиція, въ которой и для которой жилъ и трудился почившій, не чужая намъ не только по крови, а и по духу; не даромъ въ титулѣ митрополита Кіевскаго доселѣ стоитъ слово: *и Галицкій*. Свѣтъ, которымъ стремился просвѣщать и дѣйствительно просвѣщалъ покойный отецъ протоіерей своихъ обездоленныхъ и обманутыхъ братьевъ, есть тотъ же истинно православно-русскій свѣтъ, которымъ жива, сильна и могуча Россія; ибо и будучи уніатскимъ священникомъ, онъ искалъ дѣдовской кирилло-меѳодіевской вѣры. Поэтому такъ и не любъ онъ былъ всѣмъ, кому ненавистно православно-русское имя... И какъ не любъ! Сначала

интриги и коварство, а потомъ и прямое насиліе, окончившееся тюрьмой и изгнанничествомъ, вотъ обстановка, среди которой трудился почившій. Послѣдніе годы своей страдной жизни отецъ Наумовичъ провелъ среди насъ—въ Кіевѣ, Петербургѣ и Москвѣ; и въ эти немногіе годы, ставши православнымъ священникомъ, онъ не мало потрудился на пользу духовнаго просвѣщенія и нашего простаго народа.

Между тѣмъ нельзя не сознаться, что жизнь и дѣятельность отца Наумовича равно какъ и самая Галиція, на благо которой служилъ онъ, у насъ извѣстны больше по имени, чѣмъ въ дѣйствительности; встрѣчаются образованные православно-русскіе люди, которые и этого знанія не имѣютъ и судятъ превратно, какъ бы въ угоду нашимъ врагамъ. Скажемъ больше. Даже тѣ, которые хорошо знаютъ покойнаго отца протоіерея и такъ недавно еще восхваляли его заслуги на пользу славянскаго народа и особенно Галичанъ, которымъ должна быть дорога память объ немъ, какъ будто забыли объ немъ.

Таковы обстоятельства, побудившія насъ предложить читателямъ историческій очеркъ духовно-просвѣтительной дѣятельности отца протоіерея Іоанна Григорьевича Наумовича.

Мы имѣемъ въ виду, въ общемъ біографическомъ очеркѣ, указать тѣ православно-русскіе идеалы, которымъ служилъ почившій, обозрѣть тѣ пути, которыми шелъ онъ къ достиженію и проведенію въ народѣ этихъ идеаловъ, тѣ силы и средства, которыми боролся онъ съ препятствіями, встрѣчавшимися на этомъ пути, и тѣ плоды, которыхъ достигъ онъ. Думаемъ, что этотъ очеркъ не лишній будетъ для нашего православно-русскаго самосознанія.

II.

Происхожденіе и раннее дѣтство отца Наумовича.—Его образованіе и перемѣна его религіозно-политическихъ убѣжденій и симпатій.

„Я родился въ Козловѣ, нынѣшнемъ повѣтѣ (то-есть уѣздѣ) Кумянка Струмиловая, 14 января 1826 года. Отецъ мой Григорій былъ народнымъ учителемъ въ Бужскѣ, мать моя, рожденная Дроздовская, дочь священника и благочиннаго Николая, бывшаго приходникомъ (то-есть приходскимъ священникомъ) въ Козловѣ, недалеко отъ Бужска. Первыя школы нормальныя я кончилъ въ школѣ моего отца, въ тогдашнее время отличнаго учителя; мать

моя, весьма умная и благородная женщина, привила мнѣ всѣ тѣ качества души и сердца, которыя сдѣлали меня дѣятелемъ, потрудившимся въ пользу нашего народа съ пожертвованіемъ собственнаго счастья и мира". Такъ говоритъ о своемъ происхожденіи и раннемъ дѣтствѣ покойный отецъ протоіерей въ своей автобіографіи [1]. По окончаніи народной школы, родители его отдали во Львовъ для полученія дальнѣйшаго образованія. Но такъ какъ у нихъ много было дѣтей, то они не могли содержать его, и онъ еще тринадцатилѣтнимъ отрокомъ принужденъ былъ „самъ о себѣ промышлять". Въ 1839 году приняла его въ свой домъ во Львовѣ графиня Мѣръ. Тамъ имѣлъ онъ случай узнать іезуитовъ, великою протекторкой которыхъ была графиня; тамъ наслушался онъ отъ прислуги столько поруганій русскаго языка, обряда и всего вообще русскаго, что все это невольно запечатлѣлось въ его памяти навсегда. А слуги тѣ были Русскіе люди, обращенные іезуитами въ латинство. Не стерпѣло горячее сердце юноши Наумовича іезуитски-коварныхъ обидъ, наносимыхъ имп роднымъ его людямъ и... Наумовичъ потерялъ мѣсто.

Потерявши мѣсто у графини и не имѣя никакого содержанія, онъ вмѣстѣ съ своимъ младшимъ братомъ нанялся на службу на вѣтряной мельницѣ. Нѣсколько мѣсяцевъ носили они мѣшки, насыпали на кошъ (на возъ) хлѣбъ и ворочали камни; но не стерпѣвъ дурнаго обращенія съ ними хозяевъ и непосильной работы, оба брата, холодные и голодные, убѣжали пѣшкомъ за 32 мили въ Залѣщики, куда изъ Бужска переведенъ былъ въ то время отецъ ихъ.

Въ непродолжительномъ времени возвратился Наумовичъ во

---

[1] Въ качествѣ непосредственной и мѣткой характеристики нравственнаго образа отца Наумовича достойно вниманія самое происхожденіе этой автобіографіи. Покойный отецъ протоіерей написалъ ее недѣли за двѣ до своей смерти, какъ бы въ предчувствіи своей близкой кончины,—написалъ по усиленной просьбѣ редактора издающейся въ Вѣнѣ газеты *Русская Правда* г. Гр. Ив. Купчанка съ единственною цѣлію опровергнуть ложные слухи объ его жизни и дѣятельности, распускаемые польскими газетами и ихъ единомышленниками въ Галиціи для своихъ, легко понятныхъ, цѣлей. Раньше этого онъ не только никогда самъ не писалъ своей біографіи, а не разрѣшалъ даже портрета своего помѣщать въ имъ же основанной и имъ любимой *Наукѣ*, несмотря на просьбы г. Козарищука, преемника его по редакціи этого журнала. Такъ чуждъ былъ самовосхваленія покойный отецъ протоіерей? Да и въ написанной имъ по нуждѣ—не безъ тайнаго внушенія, какъ бы свыше, краткой автобіографіи онъ въ заключеніе ея пишетъ: «пространнѣе писать не стоитъ».

Львовъ, окончилъ гимназію и былъ принятъ въ философскій классъ въ русскую уніатскую семинарію.

Такъ настигъ его памятный 1848 годъ. Воскипѣвшія тогда въ цѣлой Европѣ стремленія къ свободѣ и къ національному возрожденію отразились на пламенной душѣ и поэтическомъ характерѣ юноши Наумовича и вовлекли его въ революціонный водоворотъ тогдашняго польско-народнаго движенія. „Одаренный пылкою фантазіей, я, говоритъ объ этомъ въ своей автобіографіи отецъ Наумовичъ, пошелъ за впечатлѣніями тогдашняго времени, въ которомъ Польша играла роль мученицы; но, познакомившись ближе съ народомъ, я пришелъ совсѣмъ къ другимъ убѣжденіямъ, видя воочію страданія народа отъ тѣхъ, которые считали и представляли себя героями свободы, равенства, братства".

Внѣшнимъ толчкомъ, содѣйствовавшимъ этому перелому религіозно-политическихъ воззрѣній и симпатій Наумовича, послужило удаленіе его изъ семинаріи за его сочувствіе Полякамъ. Когда же, вдобавокъ этому, такъ читаемъ мы въ *Галицкой Руси* (№ 101 1891 г.), на мосту въ Залѣщикахъ селянинъ сорвалъ съ его головы польскую конфедератку, какія были тогда въ употребленіи, и кинулъ ее въ Днѣстръ, съ словами: „тамъ твоя Польша," — тогда убѣдился Наумовичъ, что Польши на Руси нѣтъ и сама же Русь призвана и имѣетъ условія культурнаго и народнаго существованія. „Съ тѣхъ поръ началъ я, такъ говоритъ объ этомъ въ одномъ изъ писемъ своихъ отецъ Иванъ, служить народу и, слабо владѣя народнымъ русскимъ языкомъ, я пробовалъ писать книжки для народа". Скоро послѣ этого у него умеръ отецъ, и онъ, принятый снова въ русскую семинарію, окончилъ въ ней курсъ въ 1851 году и тогда же сдѣланный такъ-называемымъ викарнымъ священникомъ въ Городкѣ, недалеко отъ Львова, началъ свою духовно-просвѣтительную службу на пользу роднаго галицко-русскаго народа, ту службу, которую онъ неустанно несъ до конца своей жизни,—которой заслужилъ онъ себѣ безграничное довѣріе, беззавѣтную любовь и безпредѣльное уваженіе, какъ къ своему просвѣтителю, со стороны просвѣщеннаго народа, а со стороны враговъ Православія и русской народности ничѣмъ ненасытную вражду, лишившую его не только мира и спокойствія, а и отечества.

III.

Историческій очеркъ Галицкой Руси и ея настоящее положеніе—внутреннее, духовное и внѣшнее—матеріальное.

Чтобы лучше уяснить себѣ смыслъ и значеніе этой духовно-просвѣтительной дѣятельности покойнаго отца Наумовича и отношеніе къ ней его почитателей и враговъ, не лишне бросить хотя бы то самый бѣглый взглядъ на исторію галицко-русскаго народа и его настоящее положеніе. Народъ этотъ, какъ сказали мы, не чужой намъ ни по крови, ни по духу. Отъ древнихъ временъ св. Равноапостольнаго Князя Владиміра въ средѣ русскихъ княжествъ, населенныхъ отдѣльными русскими племенами, не послѣднимъ было княжество Галицкое. Галичъ — родной братъ Кіева, Смоленска и самой Москвы, считался изумрудомъ въ великокняжескомъ вѣнцѣ, и было время, когда столъ галицкаго князя готовъ былъ стать во главѣ другихъ столовъ княжескихъ—и быть оплотомъ вѣковѣчныхъ устоевъ святой Руси противъ напора ея иновѣрныхъ и иноплеменныхъ враговъ. Это было то время, когда у него были такіе славные героп-князья, какъ Романъ и Даніилъ, когда на первосвятительскую каѳедру русскаго митрополита возведенъ былъ Св. Петръ, бывшій родомъ изъ Галича, и здѣсь приготовившійся къ святительству.

Когда въ началѣ XIII вѣка папа Иннокентій III обѣщалъ Волынскому князю Роману подъ условіемъ принятія имъ латинства покорить ему народы мечемъ Св. Петра, Романъ, указывая на свой мечъ, спросилъ пословъ папы: „таковъ ли мечъ Петра?“, и послы ушли ни съ чѣмъ. Но то, чего не удалось достигнуть тогда римскому первосвященнику лестію и вслѣдствіе твердаго единенія Романа съ остальною Русью, скоро же послѣ этого добыто было хитростію и коварствомъ латинянъ, особенно іезуитовъ, въ силу того, что юго-западныя окраины Россіи, отдѣлившись отъ Москвы въ церковномъ отношеніи, лишились чрезъ это защиты и покровительства православной русской власти и подпали подъ власть польскихъ князей, которые давно уже перешли на сторону папы. При помощи преданнаго католичеству польскаго правительства іезуитамъ удалось и здѣсь въ невѣроятно скоромъ времени притянуть на свою сторону знатное русское дворянство, прельщенное могуществомъ папскаго престола, титулами и по-

честями, щедро сыпавшимися только на окатоличившихся. Захвативъ въ свои руки дѣло воспитанія дворянства, и развивъ чрезъ это въ немъ презрѣніе не только къ Православію, а и ко всему, что̀ органически тѣсно связано было съ нимъ — къ обрядамъ и обычаямъ православно-русскимъ и даже къ самому языку русскому, іезуиты достигли того, что все это — и православные обряды и обычаи и самый языкъ русскій скоро не только потеряли право гражданства, а и стали забываться въ своемъ смыслѣ и значеніи даже у тѣхъ, которые были носителями всего этого — у осмѣянныхъ, поруганныхъ, обездоленныхъ и доведенныхъ до состоянія крайняго невѣжества—у духовенства и народа. Одного іезуиты не могли отнять у Галичанъ этимъ путемъ — ихъ приверженности къ православной вѣрѣ; но и для этого скоро придумана была унія, которая состояла въ томъ, что принимавшіе ее обязывались признавать надъ собою власть римскаго первосвященника и получали право сохранять бывшую у нихъ дотолѣ греко-восточную обрядность.

Правда, въ Червонной Руси унія принята была послѣ всѣхъ остальныхъ юго-западныхъ русскихъ областей (она объявлена была въ Брестѣ въ 1596 году, а епископы Львовскій и Перемышльскій приняли ее только въ 1700 году); но что̀жь изъ этого? Какъ бы то ни было, унія была принята Галичанами и принята въ то время, когда все, чѣмъ жива была Галиція, какъ православно-русская область, было уже забито, загнано, искажено, и потеряно „и на этотъ, по выраженію отца Наумовича, [1] мостъ, перекинутый іезуитами для легчайшаго перехода Русскихъ въ католичество“, Галичане стали для того, чтобъ этимъ путемъ спасти отъ окончательной гибели хотя бы то видимость только Православія. А изъ этого уже само собой слѣдуетъ и то, что здѣсь эта унія со всѣми ея ужасными послѣдствіями пустила гораздо болѣе крѣпкіе и глубокіе корни, чѣмъ тамъ, гдѣ она принята была раньше и не тогда уже, когда уже истощены были всѣ силы и средства. Отъ того тамъ, гдѣ она принята была раньше, она и окончилась раньше и горькіе плоды ея миновали скорѣе. Мы не станемъ ссылаться на Малороссію, которая скоро же послѣ объявленія уніи присоединилась къ Москвѣ; сошлемся на Бѣлоруссію и Литву, которыя приняли унію раньше Галиціи. Правда, и здѣсь польско-

[1] См. его «Червонная Русь. Ея прошлое и настоящее.» Кіевъ 1890, стр. 16.

католическій гнетъ много принесъ зла православно-русскому самосознанію и духу, особенно послѣ отдѣленія Малороссіи отъ Польши, когда послѣдняя въ оставшихся подъ ея властію областяхъ съ особеннымъ неистовствомъ обрушилась на все, носящее имя православно-русское,—такъ много, что когда эти области въ силу послѣдняго раздѣла Польши перешли подъ власть Русскаго Царя, онѣ не всѣ сразу отказались отъ уніи; между тѣмъ какъ одинъ изъ нихъ приняли Православіе еще при императрицѣ Екатеринѣ, другія только пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ и только теперь мало-по-малу начинаютъ сознаваться въ своемъ національномъ самосознаніи и оправляться въ своемъ самочувствіи и внѣшне-культурномъ положеніи. Не то выпало на долю бѣдной Галиціи, которая послѣднею приняла унію и по послѣднему раздѣлу Польши перешла подъ власть Австріи.

Какъ глубоко запала въ Галиціи польско-іезуитская порча, можно судить по тому, что когда въ началѣ своего владычества надъ Галиціей Австрія сама содѣйствовала поднятію ея русско-православнаго самосознанія заботами о русскомъ образованіи Галичанъ и высвобожденіи ихъ отъ польскаго вліянія, Галичане отнеслись къ этому не только съ нерадѣніемъ, а и прямо несочувственно. Уніатская церковь и общественная жизнь Червонной Руси приняли совсѣмъ народно-польскій характеръ. „Неудивительно поэтому, говоритъ отецъ Наумовичъ, что идеалы польскихъ легіоновъ временъ Наполеона I плѣнили сердца большей части тогдашней галицко-русской интеллигенціи, которая совершенно не знала своего русскаго прошлаго и сама способствовала опаляченію своей родины“.

По чѣмъ дальше шло время, тѣмъ положеніе галицко-русскаго народа и въ духовномъ и въ матеріальномъ отношеніи становилось все хуже и хуже. Прежде всего этому содѣйствовалъ тотъ антагонизмъ, который обнаружился между Россіей и Австріей послѣ Вѣнскаго конгресса 1815 года и продолжается доселѣ; вслѣдствіе этого вмѣсто благорасположенія къ русскому самосознанію Галичанъ со стороны австрійскаго правительства явилась подозрительность и преслѣдованіе его, какъ опаснаго въ политическомъ отношеніи. Далѣе извѣстный девизъ австрійской политики, какъ говоритъ объ ней сто-устая газетная молва (divide et impera), и самъ по себѣ убійственный, по отношенію къ Галичанамъ является еще болѣе пагубнымъ въ силу тѣхъ осложняющихъ его обстоятельствъ, что

1) всѣ народности, входящія въ составъ австрійской монархіи, при всей разрозненности своихъ взаимныхъ интересовъ, единодушно сходятся въ одномъ—въ національно-религіозной враждѣ ко всему русскому-православному и, что 2) въ этой враждѣ нисколько не уступаютъ другимъ и Поляки, національная мечта которыхъ—вытравить изъ себя славянскій духъ и, такъ-сказать, ассимилировать себя съ романскимъ западомъ. Если же мы прибавимъ ко всему этому и то еще, что съ 1860 года католическая Австрія больше уже не самодержавная монархія, а конституціонное государство, въ которомъ правительство можетъ дѣлать только то, что угодно большинству, то для насъ вполнѣ понятнымъ станетъ, отъ чего могло произойти это ухудшеніе положенія Галиціи и въ чемъ оно обнаружилось.

Отмѣтимъ выдающіяся стороны современнаго духовно-матеріальнаго положенія Галиціи, пользуясь для этого авторитетными сообщеніями о. Наумовича изъ выше цитованнаго нами чтенія его о Червонной Руси и другихъ сочиненій. Прежде всего въ правовомъ отношеніи Галицкій народъ въ Австріи въ силу одного количественнаго меньшинства своего не имѣетъ никакого значенія; отъ этого его матеріальное положеніе самое жалкое. „Гдѣ богатства и величіе Русской Земли?“ говоритъ о. Наумовичъ. „Гдѣ наше народное величіе и народная честь? Нашъ цвѣтъ, наши православные княжескіе и дворянскіе роды оставили народъ, пошли къ его врагамъ, сплотились съ ними и составляютъ съ ними фалангу гонителей всего, что̀ русское и уніатское. Но Богъ не далъ и имъ добра. На многихъ богатыхъ помѣстьяхъ жирѣютъ Нѣмцы и Жидовà. Гдѣ мѣщанство и купечество? Іезуиты и Поляки взяли его у насъ, и, чтобы Русь убить, весь промыслъ отдали Жидамъ, которыми населены въ настоящее время всѣ большіе города“ [1]. И католическое конституціонное правительство Австріи не можетъ помочь Галичанамъ. Мало того. Такъ какъ конституціонное правительство нуждается въ голосахъ польскихъ депутатовъ для успѣшнаго рѣшенія ежегоднаго бюджета, то оно, говоритъ о. Наумовичъ [2], не постѣснилось написать на своемъ знамени девизъ: *do, ut des* и предложило безцеремонно польскимъ депутатамъ такую сдѣлку: дайте намъ ваши голоса и мы

[1] Историч. очеркъ уній, составленный о. Наумовичемъ къ пятидесятилѣтію присоединенія уніатовъ, стр. 26.

[2] Черв. Р., стр. 27.

отдадимъ вамъ Червонную Русь. Сдѣлка осуществилась и... австрійское правительство отдало въ рабство милліоны ни въ чемъ неповинныхъ гражданъ. Многіе Галичане, чтобы получить себѣ право на существованіе, должны были за границами отечества искать себѣ мѣста и службы. Желая помочь матеріальному положенію бѣдствующихъ братій своихъ, особенно галицкихъ поселянъ, лучшіе дѣятели Галиціи открыли обще-народное кредитное заведеніе для Галиціи и Буковины, гдѣ могли бы сберегаться народные достатки и откуда могли бы получать ссуду нуждающіеся купцы, мѣщане, духовные и т. п. И что же? Банкъ этотъ, благодаря польско-нѣмецкимъ интригамъ, едва не потерпѣлъ крушеніе, и довѣрившіе ему свои капиталы Галичане могли лишиться всего, еслибы не своевременная помощь изъ Россіи.

Не лучше, если еще не хуже, положеніе Галиціи въ религіозномъ и культурномъ отношеніяхъ. Введенная здѣсь послѣ другихъ русскихъ областей унія царитъ здѣсь во всей своей силѣ и даже болѣе: грековосточные обряды, оставленные уніатамъ въ началѣ, все болѣе и болѣе искажаются и уничтожаются подъ тѣмъ же католическо-польскимъ вліяніемъ. „Уніатъ долженъ, говоритъ тотъ же о. Наумовичъ [1], во всемъ рабски подражать латинскому ксендзу. Носятъ латиняне на Пасху изваянную фигуру Воскреснаго Христа, и уніаты должны носить. Празднуетъ латинскій ксендзъ „Божье тѣло съ крестнымъ ходомъ“, и уніатскій священникъ долженъ праздновать. Празднуетъ ксендзъ „Непокалянне потенцье“, и уніатъ долженъ вводить непзвѣстный православнымъ лже-догматъ о непорочномъ зачатіи Св. Анны. Словомъ, уніатскій священникъ долженъ считать римскій обрядъ образцомъ, отъ него заимствовать все, что можно, чтобы этимъ пріукрасить свой грубый церковный обрядъ, облагородить, поднять его. Онъ долженъ говорить не иначе какъ по-польски и все русское обзывать мужицкимъ, чтобы заслужить папскую ласку для полученія изъ его рукъ „презента на приходъ“. Но что особенно грустно въ этомъ отношеніи, такъ это то, что эта искаженная и обезображенная уніатская вѣра и церковь большинствомъ не только ничего непонимающихъ селянъ, а и средняго сословія и даже духовенства до послѣдняго времени принималась за настоящую дѣдовскую вѣру и тѣмъ изъ передовыхъ галицко-русскихъ дѣятелей, которые поднимали голоса за „очи-

[1] Истор. очеркъ уніи, стр. 26.

щеніе греко-восточнаго обряда", приходилось не только гоненіе и преслѣдованіе отъ латино-польскихъ враговъ своихъ испытывать, а встрѣчать недовѣріе и отъ самихъ братій своихъ.

Что же касается національнаго-русскаго самосознанія Галичанъ и ихъ умственнаго движенія, то въ этомъ отношеніи дѣло обстоитъ и совсѣмъ худо. Нечего говорить, конечно, о тѣхъ слояхъ общества, которые, по словамъ отца Наумовича, сплотившись съ Поляками и Нѣмцами, стали въ числѣ гонителей всего русскаго уніатскаго. Они учатся въ польско-нѣмецкихъ школахъ, знаютъ польско-нѣмецкую литературу и живутъ польско-нѣмецкими-западными, а не восточными идеалами, противными восточнымъ. Они чужіе намъ. Даже въ тѣхъ которые не принадлежали и не принадлежатъ къ этой фалангѣ, это самосознаніе, правда, не утратилось совсѣмъ, но исказилось и обезобразилось до неузнаваемости. Одной изъ существенныхъ причинъ этого было крайнее невѣжество большинства; въ силу этого именно невѣжества и случилось то, что, когда австрійское правительство стало подозрительно относиться къ русской народности Галичанъ, они сами поспѣшили заявить, что Червонная Русь составляетъ сама по себѣ отдѣльную націю, ничего общаго съ Россіею не имѣющую. „До 1848 г.", говоритъ Гильфердингъ [1], „никто въ Галиціи не помышлялъ о русской народности". Австрійскія власти не признавали даже ея существованія, такъ что когда въ 1837 г. извѣстный галицкій патріотъ Я. О. Головацкій вздумалъ издать маленькій альманахъ на народномъ нарѣчіи, львовская цензура запретила его. Неудивительно поэтому, что когда въ сороковыхъ годахъ началось славянское движеніе и принявшіе въ немъ участіе Поляки стали всюду пропагандировать извѣстную теорію Мицкевича о славянствѣ подъ гегемоніей Польши, даже тѣ изъ Галичанъ, которые не сочувствовали этой теоріи, повторяли прежнее заявленіе о томъ, что они отличны отъ Великороссовъ. Правда, участвовавшими въ этомъ движеніи, передовыми дѣятелями Галиціи тогда основанъ былъ во Львовѣ, такъ называемый, „Народный Домъ", который образовалъ собою средоточіе умственнаго и народнаго движенія Галиціи, тогда же появилось *Слово*, это первая галицкая газета, будившая русское самосознаніе Галичанъ; но какъ слабы и шатки были эти голоса, можно судить по тому, что послѣднее десяти-

[1] См. Собраніе его сочиненій, т. 2-й, стр. 69.

лѣтіе эти представители старо-русской партіи совсѣмъ почти задавлены украйнофилами, которые свое національное самосознаніе отожествляютъ съ малорусскимъ въ его исключительности и даже противоположности великорусскому. Отсюда малорусскій языкъ, малорусская литература стали выразителями этого самосознанія и русскій языкъ палъ жертвою этого заблужденія. „Чтобы не измѣнить принципу самостоятельности, эти украйнофилы, говоритъ о. Наумовичъ, [1] не только тщательно избѣгаютъ каждаго слова, которое носитъ общерусскій отпечатокъ, но обезображиваютъ его разными украйнизмами и новоизобрѣтенными выраженіями и, имѣя очень слабое понятіе о настоящемъ украинскомъ нарѣчіи, употребляютъ въ своемъ нарѣчіи что то не совсѣмъ похожее на малорусскую рѣчь“.

Мы нарочито сравнительно долго остановились на изображеніи внѣшняго и внутренняго положенія современной Галиціи, чтобы тѣмъ лучше выяснить великое историческое значеніе духовно-просвѣтительной дѣятельности покойнаго о. Наумовича, которую до конца своей жизни съ такимъ самоотверженіемъ и съ такою плодотворностью несъ на себѣ покойный отецъ протоіерей на благо своей родины и приписныхъ ей. Этотъ очеркъ можетъ показать намъ то, въ чемъ должно было состоять это служеніе отца Наумовича своему народу и объяснить тѣ трудности и препятствія, которыя пришлось испытывать ему на этомъ пути. Прежде же всего онъ объясняетъ намъ собою то увлеченіе польщизной, которому поддался Наумовичъ въ дни своей юности: а узнавши положеніе дѣла, мы едва ли рѣшимся осудить его за это увлеченіе. Въ самомъ дѣлѣ, какъ молодому Наумовичу было не поддаться этому увлеченію польщизной, когда галицко-русская интеллигенція не только ничего не знала изъ прошлаго русскаго, а и сама отрекалась отъ своей солидарности съ Россіей, когда не только внѣшняя сила была на сторонѣ всего католическаго и польскаго, а и культурное значеніе?! Но юноша Наумовичъ скоро, какъ самъ говорилъ онъ, освободился отъ этого обаянія и благодаря возбужденію на него людей, участвовавшихъ въ основаніи Русскаго народнаго дома во Львовѣ и вліянію такихъ газетъ, какъ *Слово*, опознавшись въ своемъ русскомъ самосознаніи, вступилъ на службу галицко-русскому народу въ качествѣ сельскаго уніатскаго священника.

[1] См. его «Червоная Русь», стр. 25.

IV.

Положеніе и дѣятельность отца Наумовича, какъ сельскаго дѣятеля.—Характеристика этой дѣятельности по его книгамъ о сельскомъ хозяйствѣ и повѣстямъ изъ сельской галицко-русской жизни.—Занятія отца Наумовича исторіею Галиціи и уніи.

Ставши сельскимъ священникомъ, отецъ Наумовичъ прежде всего постарался сблизиться со своею паствой—познакомиться съ ея положеніемъ и нуждами. Положеніе это даже съ внѣшней стороны было крайне неприглядно и нужды народа даже матеріальныя были ужасны. Въ силу своей безправности и вмѣстѣ крайняго невѣжества, селяне ни сельскаго хозяйства вести не умѣли, ни садоводствомъ, ни огородничествомъ не занимались; оттого непокрытая, безысходная бѣдность царила между прихожанами отца Наумовича и, невольно бросаясь въ глаза, она не могла не отзываться болью въ чуткомъ сердцѣ молодаго священника. Всегда до самозабвенія отзывчивый на всякое горе и нужду, отецъ Наумовичъ не могъ закрывать своихъ глазъ и отъ той нужды, которая царила кругомъ его; но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ видѣлъ, что внѣшней помощи ждать неоткуда: ни правительство, ни тѣмъ болѣе польское и ополячепное общество ни въ чемъ и нисколько не помогутъ. И вотъ онъ, съ дѣтства, еще въ домѣ отца освоившійся съ дѣломъ сельскаго хозяйства, принимается за него со всѣмъ юношескимъ жаромъ, стараясь собственнымъ трудомъ добывать насущный хлѣбъ для своей семьи и примѣромъ своимъ указать своимъ духовнымъ дѣтямъ, что и какъ нужно дѣлать для достиженія внѣшняго довольства. Трудолюбивый и талантливый, онъ скоро настолько освоился съ этимъ дѣломъ, что могъ не только самъ существовать безбѣдно, безъ обремененія своей паствы, а и для этой своей пастыы оказаться учителемъ даже въ веденіи сельскаго хозяйства.

О томъ, чему и какъ училъ отецъ Наумовичъ своихъ бѣдныхъ селянъ въ этомъ дѣлѣ народнаго здравія и матеріальнаго благосостоянія, мы отчасти можемъ судить хотя бы по тѣмъ книжкамъ, которыя изданы были имъ въ послѣдніе годы пребыванія его въ Россіи. Говоря о книжкахъ отца Наумовича по сельскому хозяйству, мы разумѣемъ написанные имъ и изданные Св. Синодомъ „Народные календари“ за 1890 и 1891 гг., въ которыхъ послѣ кален-

дарныхъ свѣдѣній и статей религіозно-нравственнаго содержанія помѣщены его простыя и общедоступныя, но въ то же время практически-существенно важныя наставленія и совѣты относительно раціональнаго веденія сельскаго хозяйства, скотоводства, огородничества, садоводства и особенно пчеловодства. Болѣе распространенное и подробное развитіе всѣхъ этихъ календарныхъ статеекъ предложено имъ въ особой книгѣ для чтенія о сельскомъ хозяйствѣ, которая издана Св. Синодомъ въ 1891 году. Совѣты и наставленія эти представляютъ собою не теоретическія и малодоступныя разсужденія кабинетнаго ученаго и не высокопарныя и туманныя рѣчи диллетанта, а самые простые и практически-пригодные и необходимые совѣты сельскаго опытнаго хозяина, умѣющаго къ тому же говорить простою и всѣмъ понятною рѣчью о серьезныхъ вещахъ. Особенно цѣнно на нашъ взглядъ его „Посланіе къ русскимъ пчеловодамъ“, въ которомъ сообщаются всѣ новѣйшія свѣдѣнія по этой самой важной въ церковномъ отношеніи отрасли народнаго хозяйства. По этому предмету имъ въ послѣдній годъ его жизни написана особая книжка подъ заглавіемъ: „Какой улей рамочной системы могутъ замѣнить на югѣ Россіи старыя дупляики“. Всѣ эти статьи и книжки его по своему происхожденію и значенію суть ничто иное, какъ выводъ, или лучше, резюме тѣхъ сельско-хозяйственныхъ бесѣдъ его, которыя постоянно и давно уже велъ онъ съ своими галицкими читателями въ своей *Науцѣ*. И сколько ихъ написано тамъ! Еслибы собрать ихъ всѣ, то, думается, вышелъ бы не одинъ томъ. Но объ *Науцѣ* послѣ; теперь же отмѣтимъ относительно сельско-хозяйственной и особенно пчеловодской дѣятельности о. Наумовича то, что на послѣдней выставкѣ пчеловодства въ Москвѣ, бывшей нѣсколько лѣтъ тому назадъ, былъ даже особый улей о. Наумовича [1]. Разсужденіе о. Наумовича о сравнительномъ достоинствѣ различныхъ ульевъ и самый этотъ улей его системы суть лучшія свидѣтельства объ его практической опытности въ пчеловодствѣ. Въ послѣдніе два года своей жизни въ Кіевѣ эту опытность доказалъ онъ на дѣлѣ, устроивъ и упрочивъ пасѣку Великой Княгини Александры Петровны близъ Кіева. Все это какъ нельзя болѣе краснорѣчиво говоритъ о томъ, какимъ трудолюбивымъ сельскимъ хозяиномъ и опытнымъ сельско-хозяйственнымъ учи-

[1] Улей этотъ и посейчасъ хранится въ Москвѣ у одного изъ его московскихъ друзей.

телемъ былъ онъ въ Городкѣ (около Львова), въ Ляшкахъ Королевскихъ (около Перемышля) и другихъ сельскихъ приходахъ Галиціи, въ которыхъ онъ былъ сельскимъ священникомъ въ пятидесятыхъ и шестидесятыхъ годахъ.

Само собой разумѣется, что не сразу сталъ о. Наумовичъ въ этомъ отношеніи на ту высоту практическаго знанія и опытности, на которой является онъ предъ нами въ этихъ указанныхъ книжкахъ его; но эти же самыя книжки его также несомнѣнно говорятъ и о томъ, что этой опытности о. Наумовича предшествовали долголѣтніе и неустанные труды практическаго изученія этого дѣла и что эти труды свидѣтельствовали объ его любви къ дѣлу сельскаго хозяйства любви къ природѣ, какъ Божію творенію. А при этой любви къ природѣ и труду вмѣстѣ съ любовію къ своимъ меньшимъ братьямъ онъ несомнѣнно и на первыхъ порахъ своей сельско-хозяйственной дѣятельности могъ быть и былъ великимъ учителемъ ихъ и въ этомъ дѣлѣ. Но не въ немъ—не въ этомъ дѣлѣ было его призваніе; не оно составляло, такъ сказать, душу его сельской пастырской дѣятельности. Какъ пастырь Церкви о. Наумовичъ имѣлъ въ виду духовное просвѣщеніе своего народа, сельско-хозяйственныя же занятія его были лишь средствомъ къ тому, чтобы ближе подойти къ народу и легче воздѣйствовать на него. Оттого самыя сельско-хозяйственныя занятія его носили на себѣ нравственно-поучительный характеръ: *молись и трудись*—вотъ основная мысль, которою освѣщалъ онъ эту свою дѣятельность

Прекраснымъ выраженіемъ этого настроенія и направленія его сельской жизни и дѣятельности въ Галиціи могутъ служить у насъ уже въ Россіи вторично изданные его разсказы и повѣсти изъ галицко-русской жизни, именно изъ быта сельскаго духовенства и крестьянъ въ Галиціи: повѣсти и разсказы эти называются: „Завѣтные тополи“, „Отецъ Осодоръ“, „Бесѣда Степана Сторазумова о сельскомъ хозяйствѣ“ и др. Въ этихъ разсказахъ и особенно въ двухъ первыхъ изображается жизнь сельскаго священника и его отношенія къ своимъ прихожанамъ. Крестьяне по этимъ повѣстямъ съ такимъ почетомъ и уваженіемъ, съ такимъ довѣріемъ и любовію относятся къ своему пастырю, что безъ его благословенія, безъ его совѣта и разрѣшенія не начинаютъ никакого не только религіозно-нравственнаго, а и семейно-общественнаго и даже сельско-хозяйственнаго дѣла: къ нему они идутъ за совѣтомъ и относительно покоса и жнитва. А онъ, научая своихъ

прихожанъ сельскому хозяйству, чрезъ эту самую науку—при ея, такъ сказать, посредствѣ заботится и объ ихъ религіозно нравственномъ просвѣщеніи. Изображенные въ указанныхъ повѣстяхъ сельскіе пастыри (о. Василій въ „Завѣтныхъ тополяхъ“ и о. Осодоръ въ повѣсти того же имени) заботятся главнымъ образомъ о томъ, чтобъ у селянъ ихъ приходовъ не было пьянства,—особенно въ праздники. Съ этою цѣлію они заводятъ общества трезвости, школы и другія духовно-просвѣтительныя учрежденія; съ этою же цѣлію они не только истово совершаютъ богослуженіе, не только церковныя поученія говорятъ, а и пользуются всякимъ случаемъ, чтобъ исправить народную нравственность, искоренить суевѣрія и научить истинѣ. Народъ видѣлъ ихъ усердіе и любовь къ нему, вѣрилъ, слушался и исправлялся; а вмѣстѣ съ тѣмъ улучшалось и его матеріальное благосостояніе.

Вотъ какъ говоритъ объ этомъ о. Наумовичъ въ повѣсти „Отецъ Осодоръ“ устами этого священника, въ которомъ нельзя не узнать самого автора этого разсказа: „Съ тѣхъ поръ какъ я полюбилъ природу, увѣряю васъ, молитва моя стала искреннѣе и теплѣе; я сталъ постигать Божію премудрость во всемъ томъ, на что прежде смотрѣлъ равнодушно, или совсѣмъ не обращалъ вниманія. Природа сблизила меня и тѣснѣе связала съ моими прихожанами: видя у меня все лучшее, они приходили просить моего совѣта, и я охотно совѣтывалъ, отдавалъ имъ самыя лучшія сѣмена, готовыя прививки, училъ прививать, отковать, дружить (копулировать). Для меня не было большаго утѣшенія, какъ видѣть вездѣ плодъ моего ученія и труда. Посмотрите только, сколько клевера уже сѣютъ мои прихожане, а есть у нихъ и люцерна и эспарцетъ (стр. 10). Когда я назначенъ былъ сюда священникомъ, въ цѣломъ нашемъ приходѣ не было у крестьянъ ни одной хорошей штуки скотинки—все мелюзга, самой худшей породы. Посмотри же теперь, когда поправили лугъ и научились сѣять клеверъ, люцерну и эспарцетъ. Какая теперь у насъ порода скота? Тогда не было нигдѣ ни одного фруктоваго дерева, теперь сплошь и рядомъ сады! Пасѣка была только у Яремы, отца Андроника, несмотря на такое выгодное мѣстоположеніе для пчеловодства. Вотъ въ этомъ одномъ маленькомъ приселкѣ пропадало ежегодно вслѣдствіе невѣжества крестьянъ самое меньшее—двѣ, три тысячи цѣлковыхъ. А что значитъ эта маленькая деревушка и наша тощая почва въ сравненіи съ другими лучшими краями,

гдѣ родится пшеница, гдѣ могли бы быть прекрасные сады, а какой скотъ, какія пасѣки! У насъ въ нашей деревнѣ меду и воску пропадало ежегодно по тысячи пудовъ. У насъ всего до 300 ульевъ, а можно держать болѣе 3.000. Сколько пчелинаго корма въ лѣсу и по лугамъ, садамъ, полямъ, а еще можно пчелъ переводить на поздній взятокъ. Подумай сколько милліардовъ пудовъ меду высушиваютъ солнце и вѣтры во всей Россіи! Вотъ, милый мой, обо всемъ этомъ я передумалъ и принялъ къ сердцу; самъ учился всему и прилагалъ къ жизни, и когда находилъ то или другое практичнымъ, дѣлился съ народомъ. Долго я боролся съ невѣжествомъ и косностію прихожанъ, но современемъ поборолъ всѣ ихъ суевѣрія и недоповѣрчивость ко мнѣ; теперь они—мои, слушаютъ меня во всемъ, какъ послушныя дѣти. Смотри-ка: сѣно мое скошено, убрано и будетъ перевезено, и даже не посылаю за рабочими, — я только молюсь за нихъ; они не жалѣютъ для меня своего труда, своего пота, потому что я не скупъ на слово ученія. Я сѣю „духовное“, они пожинаютъ „моя тѣлесная“. Предобрый народъ! И я никогда не разсчитывалъ на эти доходы разные за требы,— нѣтъ! Я работалъ, промышлялъ, добывалъ изъ земли мой хлѣбъ, но я и училъ, непрестанно училъ въ церкви слову Божію и Христовой истинѣ, указующей путь къ вѣчному спасенію и въ полѣ, и на лугу, и вездѣ я училъ, какъ добыть и умножить насущный хлѣбъ, не пьянствовать, не воровать, а жить въ страхѣ Божіемъ, праведно, честно, благочестиво и разумно наслаждаться жизнью. А теперь они даютъ мнѣ и за требы охотно, потому что имѣютъ, что дать. У меня все есть, слава Богу; но мой покойный отецъ бѣдствовалъ, потому что онъ на хозяйственный трудъ мало вниманія обращалъ, а разсчитывалъ, какъ и всѣ другіе тогда, на доходы, которыхъ бѣдный пьяный народъ не былъ въ состояніи ему доставить, вслѣдствіе чего происходили недоумѣнія между имъ и народомъ“ (стр. 98 и 99).

„Прежде крестьяне неохотно шли въ церковь, а теперь она биткомъ набита. Пьянство прекратилось, они стали несравненно нравственнѣе, а по избамъ и въ хозяйствѣ завели чистоту и порядокъ. Первоначально нѣкоторые подсмѣивались надо мной, говоря, что для пользы мужика не стоитъ такъ трудиться. Онъ неблагодаренъ. Я обыкновенно молчалъ и, дѣлая свое дѣло, убѣдился, что онъ благодаренъ. Теперь Нѣмцы какую-то штунду завели; но посмотрѣлъ бы я, какъ бы они завели ее въ моемъ приходѣ (стр. 11)... Еще и мой сосѣдъ священникъ развелъ у

себя садъ, да толку изъ него не вышло никакого. Какъ только первый годъ деревья зацвѣли и покрылись плодами, сейчасъ набросились на нихъ воришки, и зеленые, еще только завязавшіеся фрукты обнесли до одного, а вдобавокъ поломали вѣтви. Надо было сторожить, но и это не помогало. И тогда сосѣдъ мой, не попробовавъ даже ни одного яблока, ни груши, выбросилъ прививки и засѣялъ на ихъ мѣстѣ опять просо, коноплю и проч. А мои деревья цѣлы и слѣда нѣтъ, чтобы ихъ кто ломалъ и обрывалъ фрукты. Я, видишь ли ты, знаю природу человѣческую. Закладывая питомникъ зерномъ, я посѣялъ тысячи зеренъ и вырастилъ тысячи прививокъ. Двѣ сотни я засадилъ для себя, а остальныя раздавалъ и училъ, какъ садить. Современемъ пошли сады по всей деревнѣ... И сугубая польза отъ этого. Застрахуешься отъ воровъ и сдѣлаешь доброе дѣло по отношенію къ твоимъ ближнимъ“ (13 стр.).

Такъ говоритъ отецъ Ѳеодоръ о своей сельско-хозяйственной и пастырской дѣятельности въ приходѣ, а вотъ что говорится въ этомъ разсказѣ объ его матушкѣ: „Матушка о. Ѳеодора для деревенскихъ женщинъ была всѣмъ: и докторшей, и учительницей, и совѣтницей въ трудныя минуты. Къ ней приходили съ больными дѣтьми, и она часто излѣчивала ихъ. У матушки были разныя домашнія лѣкарства и ими она пользовала не опасно больныхъ; въ болѣе же серьезныхъ случаяхъ она лѣчила гомеопатіей или гидропатіей, пользуясь медицинскими книжками о гомеопатіи и водолѣченіи. Народъ вѣрилъ, что у матушки легкая рука, отъ одного прикосновенія которой больнымъ становится легче“ (стр. 16).

Можно бы изъ этой повѣсти о. Наумовича, несомнѣнно взятой какъ изъ собственной его приходской жизни и дѣятельности въ Галиціи, привести не мало страницъ, прекрасно рисующихъ его отношенія къ своимъ прихожанамъ для того, чтобы видѣть эту дѣятельность въ ея, такъ-сказать, живой дѣйствительности и отсюда заключать о томъ великомъ плодотворномъ, даже въ духовно-нравственномъ отношеніи, значеніи ея, какое имѣла она для его прихожанъ-селянъ, и умѣть объяснить себѣ ту любовь, то довѣріе и уваженіе, какимъ онъ пользовался отъ нихъ. И не только можно, а, можетъ-быть, и нужно было бы это сдѣлать. Нужно это, на нашъ взглядъ, въ виду того отрицательнаго отношенія къ мысли о практически-житейскомъ сближеніи сельскихъ пастырей съ народомъ, о занятіи ихъ сельскимъ хо-

зйствомъ, медицинной и тому подобнымъ, въ виду того отрицательнаго отношенія, которое нерѣдко высказывается въ послѣднее время и у насъ въ свѣтской беллетристической литературѣ. Въ этой литературѣ (мы разумѣемъ здѣсь повѣсти Забытаго, Потапенко и др.) какъ идеальные типы сельскихъ священниковъ рисуются или люди, не желающіе вступать ни въ какое жизненное общеніе съ своими пасомыми (чистоплотные, холеные,—эти люди какъ-то даже пренебрежительно относятся къ курной мужицкой избѣ, къ сохѣ и боронѣ) или такіе дѣльцы, которые самое христіанство-то понимаютъ лишь какъ одно изъ средствъ къ умственному возвышенію народа и улучшенію его культурнаго положенія. Простые и исполненные жизненной правды разсказы отца Наумовича могли бы служить сильными обличителями несостоятельности подобнаго рода кабинетной работы нашихъ западничествующихъ писателей; но мы боимся злоупотреблять вниманіемъ читателей тѣмъ болѣе, что не здѣсь, не въ этой тѣсной рамкѣ приходской жизнедѣятельности отца Наумовича лежитъ центръ тяжести его великихъ заслугъ для Галиціи и его историческаго значенія.

Впрочемъ мы не можемъ отказать себѣ въ удовольствіи сдѣлать еще одну или двѣ выписки изъ другой повѣсти о. Наумовича: „Заѣтные тополи“, весьма важныя въ качествѣ иллюстраціи не столько означенной приходской дѣятельности его, сколько препятствій и трудностей, какія встрѣчались ему на томъ пути, и какія могли встрѣтиться только именно въ Галиціи. „Если народъ нашъ, говоритъ между прочимъ въ этой повѣсти о. Наумовичъ устами стараго сельскаго Галицко-русскаго священника о. Василія, бѣденъ, грубъ, склоненъ ко всякому злу, и равнодушенъ къ просвѣщенію, школамъ и еще больше равнодушный къ церкви, къ вѣрѣ; то этому виной не только неблагопріятныя обстоятельства, но, сказать правду, равнодушіе духовенства, въ рукахъ котораго есть средства для поднятія уровня его умственнаго и нравственнаго развитія. У народа почти пѣть друзей, которые заботились бы объ его добрѣ смиренно; все, что окружаетъ его, ищетъ только наживы отъ его темноты и невѣжества и для этого хочетъ удерживать его въ этой темнотѣ. Правительство австрійское хотя много сдѣлало для народа въ первыхъ годахъ послѣ занятія Галиціи, все-таки нѣмецкое правительство, любящее больше Нѣмцевъ, чѣмъ насъ Славянъ; и еслибы мы сравнили нѣмецкіе края съ нашими, какая разница

въ эти восемьдесять лѣтъ (со времени присоединенія Галиціи къ Австріи) въ нашемъ развитіи и Нѣмцевъ; мы бы увидѣли, что Нѣмцы родныя дѣти, а мы только пасынки. Кто же насъ любитъ, кто желаетъ намъ добра? Ужь не паны ли, тѣ паны, которые, разорвавъ съ Русскимъ нашимъ народомъ естественную связь церковно-національную, сдались іезуитамъ, пошли въ плѣнъ Рима и превратились въ Поляковъ, которыхъ мы зовемъ перекинчиками (то-есть перебѣжчиками)! Развѣ мы не видимъ, какъ они въ Парижѣ и Висбаденѣ тратятъ тысячи, а на школу жалѣютъ возъ сучьевъ для топки?.. Панъ, пріѣзжая въ имѣніе, осматриваетъ лошадей, стада овецъ, рогатаго скота и свиней, а люди ему безразличны, — пускай голодаютъ и пропадаютъ во тьмѣ и грѣхахъ,—тѣ люди, трудомъ которыхъ онъ достигъ великаго панства... До 1848 г. народъ нашъ жилъ для того, чтобы другіе кормились и наслаждались его трудомъ и страданіемъ; онъ, рожденный рабомъ, понесъ свое ярмо безъ ропота, укрѣпляясь въ страданіяхъ одной только вѣрой. Теперь же, когда съ 1848 г. засіяла звѣзда свободы и пашлись во Львовѣ люди, которые имѣли столько отваги въ сердцѣ, чтобы громко сказать, не боясь ни гвардіи, ни польскихъ насмѣшекъ: *тутъ нашъ древній Галичъ, тутъ наша Русская земля и мы Русскій народъ, а не польскій*,—съ тѣхъ поръ началась великая борьба и ты, сдѣлавшись священникомъ, сталъ на перепутьи: одна дорога ведетъ тебя къ богатой и пріятной жизни за спиной у пановъ-помѣщиковъ; но ступивши на ту дорогу ты долженъ будешь отречься отъ народа и пѣть польскіе гимны; другой же — народный путь тяжелъ, много будетъ встрѣчаться на немъ горестей, а радостей мало... Польша, разъ присвоивши себѣ нашу Русь, считаетъ ее за свою собственность, какъ же теперь отречься ей? Она до послѣдняго будетъ защищать свое господство надъ Русью, какъ своей добычею. А ты знаешь, какъ иногда изъ-за пустяковъ возникаетъ процессъ между двумя людьми, тянущійся нѣсколько лѣтъ оттого, что ни одинъ не уступаетъ; представь же, какъ страшенъ будетъ процессъ двухъ спорящихъ между собою народовъ, изъ которыхъ одинъ спавшій, только проснувшійся отъ летаргіи, станетъ бороться за свое естественное, а другой сильнѣйшій, рѣшившійся отстаивать свое мнимое право. Если ты, какъ священникъ и народный предводитель, гдѣ-нибудь только заикнешься о естественномъ правѣ Галицко-Русскаго народа, то долженъ будешь попрощаться со всѣми житейскими выгодами, доставляе-

мыми могущественной партіей, въ рукахъ которой наше духовенство, а сила этой партіи растетъ съ каждымъ годомъ больше и больше. Теперь народный духъ имѣетъ за собою право, но право сохранитъ лишь тотъ, кто умѣетъ и его взять и пользоваться имъ. А какъ застало насъ это право? Поляковъ застало оно ко всему приготовленными; въ ихъ рукахъ имущества, которыя еще увеличатся съ уплатой за барщину; у насъ бѣдность, которая съ уплатой за барщину при темнотѣ народа станетъ вопіющей, когда народъ потеряетъ сервитуты, и за лѣсъ, за пастбище для скота, за эту насущную потребность онъ станетъ опять рабомъ, только въ другомъ видѣ. Поляки просвѣщены, мы же темны; потому что у нихъ были всякія средства къ просвѣщенію, а насъ они держали подъ спудомъ. Они имѣли выгоду держать насъ такъ, чтобы мы не узнали, кто мы. Теперь произойдетъ борьба между могучимъ землевладѣльцемъ и бѣднымъ поселяниномъ, между ученымъ адвокатомъ и темнымъ хлѣбопашцемъ. А при такомъ порядкѣ вещей, конечно, народъ малолѣтокъ, которому дали право защищать себя самого, къ чему онъ совершенно неспособенъ, долженъ проиграть вездѣ, гдѣ столкнутся его интересы съ интересами богатыхъ и ученыхъ... Какъ же, неужели можно оставить народъ погибать? Неужели не стараться намъ всѣми силами выдвинуть его изъ темноты, не выяснять ему разницу между тѣмъ, что онъ былъ и чѣмъ долженъ быть, какія его права и обязанности для Царя и отечества, какія законныя средства, которыми онъ долженъ дойти къ благосостоянію, къ чести и славѣ? Нѣтъ оставить того народа нельзя; потому что то наши братья, наше тѣло, кровь и плоть наша. Только подлый и ничтожный человѣкъ отрекается отъ своего народа для матеріальныхъ выгодъ, честный же сынъ народа до послѣдняго издыханія долженъ стоять за свою родину. Но и наше духовенство заражено такой гадкой шляхетской гордостью и далеко стоитъ отъ народа. Подумай, сынъ мой, есть ли гдѣ такой несчастный народъ, чтобы на его прадѣдовской землѣ, окровавленной и орошенной горькимъ потомъ его праотцевъ, ему не было бы свободы называться своимъ именемъ, жить своими буквами, учиться на своемъ родномъ языкѣ, какъ это у насъ бываетъ (стр. 6—11)?“

Таковы черты пастырской приходской дѣятельности отца Наумовича по его собственному изображенію въ указанныхъ нами

разсказахъ его [1]. Если мы сведемъ въ одно всѣ эти то тамъ, то здѣсь разбросанныя, то отмѣченныя, то неотмѣченныя нами черты именно приходской пастырской дѣятельности тогда еще молодаго отца Наумовича, то предъ нами предстанетъ симпатичнѣйшій образъ молодаго сельскаго пастыря, который для спасенія своей паствы отъ облегающей ее со всѣхъ сторонъ непокрытой бѣдности и беззащитной безправности, равно какъ и отъ принижающей ее непроглядной умственной, нравственной и религіозной тьмы и невѣжества, долженъ трудиться и въ качествѣ раціональнаго сельскаго хозяина, занимаясь для этого и садоводствомъ, и огородничествомъ, и пчеловодствомъ, и въ качествѣ школьнаго учителя, на что потребно было конечно удѣлять не одинъ часъ ежедневнаго труда, и въ качествѣ совершителя богослуженій, требоисправителя, церковнаго оратора и проповѣдника. Если же мы присоединимъ къ этому и то еще, что этотъ пастырь отдается каждому изъ этихъ дѣлъ со всѣмъ жаромъ человѣка, всею душой преданнаго своему дѣлу, что онъ искренно до самоотверженія, до забвенія интересовъ своего собственнаго семейства любитъ свое дѣло и свою паству, то мы должны будемъ не только согласиться съ тѣмъ, что отецъ Наумовичъ занятъ былъ своимъ дѣломъ постоянно, а и удивляться, какъ еще у него хватало времени для такого труда; ибо для того, чтобы заниматься раціональнымъ сельскимъ хозяйствомъ съ тѣмъ, чтобы помогать въ этомъ дѣлѣ крестьянамъ, и еще больше для того, чтобъ учить этихъ крестьянъ вѣрѣ и наукѣ, быть не только требоисправителемъ, а и духовнымъ просвѣтителемъ-проповѣдникомъ, сколько нужно было для этого трудиться даже надъ самимъ собою! Сколько нужно было самому учиться и учиться! И мы знаемъ, что молодой отецъ Наумовичъ каждую свободную отъ общественнаго дѣла минуту

---

[1] Для того же, чтобы не оставалось никакого сомнѣнія въ справедливости пріуроченія этихъ чертъ дѣятельности именно къ самому отцу Наумовичу, приведемъ его собственныя свидѣтельства объ этой дѣятельности его изъ его автобіографіи. «Поставленный викарнымъ священникомъ въ городкѣ», говоритъ онъ здѣсь, «я учился въ школѣ и въ церкви съ цѣлымъ жаромъ духовно-народнаго просвѣтителя подъ опытною рукой благочиннаго полойнаго Михаила Бѣлецкаго. Получивъ приходы такіе, въ которыхъ сельское хозяйство составляло источникъ доходовъ, я предался усердно хозяйству и старался на этомъ поприщѣ быть полезнымъ народу». И еще также пишетъ онъ такъ о себѣ: «врагъ разныхъ пустыхъ развлеченій, я считаю каждую минуту дорогою для народа и не могу хотя бы и хотѣлъ оставить такого образа жизни».

посвящалъ этому ученію, ибо у него, какъ пишетъ онъ, между прочимъ, въ своей автобіографіи, законъ—nulla die sine linea. Онъ принадлежалъ къ числу тѣхъ разносторонне-любознательныхъ и неуклонно-настойчивыхъ въ своей любознательности людей, которые, заинтересовавшись какимъ бы то ни было дѣломъ, не могутъ бросить его или остановиться на полпути, а идутъ все дальше и дальше, все глубже и глубже, и готовы для этого засиживаться надъ этимъ дѣломъ дни и ночи, забывать не только отдыхъ, а и ѣду и т. п.

Страстный любитель книгъ и чтенія, отецъ Наумовичъ имѣлъ обыкновеніе ежедневно прочитывать нѣсколько главъ изъ Библіи съ цѣлію назиданія, вслѣдствіе чего любимыми библейскими книгами его были учительныя книги; но особеннымъ, такъ-сказать, нарочитымъ предметомъ его любознательности была исторія родной его Галиціи и уніи. Надѣленный отъ Бога умомъ глубокимъ и свѣтлымъ, сердцемъ чистымъ, какъ слеза, и благороднымъ, какъ мечта поэта, а волею твердой, какъ адамантъ, онъ еще юношей увидѣлъ всю ложь обольстителей своего народа, совращеннаго съ праваго пути и обездоленнаго въ своемъ положеніи и потому тотчасъ же, такъ-сказать, по вступленіи своемъ въ общественную дѣятельность, безповоротно рѣшилъ въ своемъ любящемъ сердцѣ вывести народъ свой изъ пустыни забвенія и добрей тьмы и обмана на свѣтлый путь дѣдовской вѣры и родной правды. Это-то убѣжденіе его ума и это-то чувствованіе его сердца и были тою внутреннею силой, которая подвигла его по вступленіи въ жизнь не *своихъ снискать* (Филип. 2, 21),—не о блестящей карьерѣ и выгодномъ положеніи своемъ заботиться, а занять не видное и не обезпеченное въ матеріальномъ отношеніи мѣсто сельскаго пастыря. Поэтому-то именно, этимъ убѣжденіемъ ума и чувствованіями сердца руководимый молодой отецъ Наумовичъ и сталъ каждую свободную минуту своей жизни посвящать изученію исторіи своего народа и своего языка.

Въ старыхъ хартіяхъ своей вѣры, какъ пчела, сталъ отыскивать молодой сельскій галицко-уніатскій священникъ Наумовичъ крупицы медоточивой истины, Свв. Кирилломъ и Меѳодіемъ принесенной, а ища не могъ не замѣтить, что эта истина подмѣнена, зарыта и искажена. На страницахъ исторіи и лѣтописей народныхъ сталъ копаться онъ, какъ муравей, и увидѣлъ тутъ — ясно увидѣлъ песокрушимыя сви-

дѣтельства о кровномъ родствѣ Галичанъ съ Великою Россіей и о несродности Галичанамъ западной романской культуры. Наставляя свою паству въ Христовой вѣрѣ и правдѣ, научая ее уму-разуму житейскому, онъ естественно не могъ молчать предъ ними и о тѣхъ драгоцѣнныхъ жемчужинахъ, которыя находилъ среди груды камней въ написанныхъ на латинскомъ и польскомъ языкахъ богословскихъ и церковно-историческихъ сочиненіяхъ, при сличеніи ихъ со словомъ жизни—Св. Писаніемъ, славянскими церковно-богослужебными книгами и древне-русскими лѣтописями. А это уже само собою расширяло рамки его приходской пастырско-просвѣтительской дѣятельности, ибо касалось всей Галичины; отсюда-то естественно само собою вытекало и то, что въ пастырско-просвѣтительной дѣятельности своей онъ не сталъ довольствоваться однимъ устнымъ словомъ и взялся за перо и сталъ писать въ книгахъ и такимъ образомъ само собою совершилось то, что его могучій голосъ изъ села и стрехи захолустной очень рано долетѣлъ до самаго Львова и разнесся по всей Галиціи. Такъ, его литературная дѣятельность явилась необходимымъ слѣдствіемъ его приходско-пастырской дѣятельности, которая послужила какъ бы зерномъ или основой послѣдней. Въ немъ, въ этой-то литературной дѣятельности его вылились, выяснились, обосновались и развились всѣ убѣжденія его ума и сердечныя влеченія его сердца; въ ней-то и выразилась главная и существенная сторона его духовной жизни. Изображеніе этой-то дѣятельности отца Наумовича и составитъ предметъ слѣдующей части нашего очерка.

IV.

Обозрѣніе и характеристика литературной дѣятельности о. Наумовича: газеты и журналы, въ которыхъ онъ принималъ участіе; *Наука*—духовно-народный журналъ отца Наумовича; задачи, направленіе, характеръ содержанія и языкъ сочиненій отца Наумовича.—Историческое значеніе литературныхъ трудовъ отца Наумовича.

Еслибы собрать все, что̀ написано было отцомъ Наумовичемъ въ теченіе всей его сорокалѣтней литературной дѣятельности, начиная съ первой его небольшой книжечки *Привѣтствія и пожеланія*, изданной въ 1851 году и кончая послѣдними письмами его съ Кавказа, писанными уже за нѣсколько дней до его смерти и замѣткой о нашихъ кладбищахъ, помѣщенной въ томъ же 32 № *Церковныхъ Вѣдомостей*, издаваемыхъ при Свят.

Сподѣ, гдѣ и первая вѣсть о кончинѣ его; то вышло бы нѣсколько объемистыхъ томовъ. Такъ много было имъ писано! А еслибы вздумали мы указать и обозначить по имени всѣ его церковно-историческія и археологико-литургическія изслѣдованія, богословскія разсужденія, библейско-истолковательныя бесѣды и размышленія, всѣ его бытовыя и нравоучительныя повѣсти и разсказы и даже стихотворенія, сельско-хозяйственныя наставленія и разъясненія, всѣ его рѣчи, письма и летучія замѣтки; то, думается, списокъ этотъ занялъ бы собою не одинъ печатный листъ и цифра наименованій была бы въ нѣсколько сотъ. Такъ широка и разнообразна была эта его дѣятельность! Вотъ почему мы въ своемъ обозрѣніи этой литературной дѣятельности почившаго отца протоіерея считаемъ возможнымъ ограничиться: 1) ознакомленіемъ съ тѣми литературными органами, тѣми газетами и журналами, въ которыхъ больше всего работалъ отецъ Наумовичъ и которые были основаны имъ; ибо уже по нимъ отчасти можно судить о характерѣ и литературной дѣятельности и самого отца Наумовича; 2) указаніемъ и отчасти характеристикой наиболѣе выдающихся твореній отца протоіерея въ ихъ предметномъ содержаніи и внѣшней формѣ и 3) опредѣленіемъ ихъ литературнаго и историческаго значенія.

Само собою разумѣется, что литературными органами, въ которыхъ работалъ отецъ Наумовичъ, могли быть только такіе, которые защищали Галицію—русскіе интересы противъ нападокъ, козней и хитростей католиковъ и Поляковъ съ одной стороны, а съ другой проводили идею единенія Галицко-Русскаго народа и языка не съ Малороссіей или Украйной только, а съ Великороссіей, которая должна обобщать собою и ту и другую. Таковы были главнымъ образомъ, основанная въ 1860 году извѣстнымъ галицкимъ патріотомъ Мих. Качковскимъ и издававшаяся потомъ извѣстнымъ галицко-русскимъ писателемъ Богд. Дѣдицкимъ и В. М. Площанскимъ галицко-русская газета *Слово*; потомъ два только года существовавшая (1867 и 1868) газета *Славянская Заря* и *Червонная Русь*, въ послѣднее время переименованная въ *Галицкую Русь*, а теперь *Галичанинъ*. Кромѣ того отецъ Наумовичъ сотрудничалъ въ журналѣ *Учитель* и редактировалъ нѣкоторое время журналъ *Недѣля*. Здѣсь же нужно упомянуть и объ основанномъ еще въ 1848 году съ цѣлію содѣйствовать религіозно-нравственному и умственному развитію Галицко-Рус-

скаго народа, между прочимъ и изданіемъ книжекъ пригодныхъ для этой цѣли, первомъ въ Галиціи литературномъ обществѣ подъ названіемъ галицко русской Матицы. Оставаясь вполнѣ солидарнымъ съ этими изданіями и этимъ обществомъ въ цѣляхъ и направленіи своей литературной дѣятельности и не переставая участвовать въ ихъ дѣлѣ своимъ трудомъ, но желая провести развиваемыя въ указанныхъ изданіяхъ идеи въ сельское общество и преимущественно объ его — *простаго народа* — религіозно-національномъ просвѣщеніи заботясь, отецъ Наумовичъ въ 1871 году основалъ первую въ Галиціи собственно простонародную газетку *Русская Рада* и въ томъ же году журналъ *Науку*. Черезъ пять лѣтъ послѣ этого имъ основано было однородное по своимъ цѣлямъ и направленію съ галицко-русскою Матицею, но опять болѣе приспособленное къ нуждамъ и потребностямъ простаго народа, литературно-издательское общество имени Качковскаго. Вотъ тѣ литературные кружки и изданія, въ которыхъ о. Наумовичъ всего больше участвовалъ своею писательскою дѣятельностію!

Впрочемъ, прежде, чѣмъ перейти къ ознакомленію журнальной и газетной, литературной дѣятельности отца протоіерея Наумовича, мы должны отмѣтить, что онъ и въ первыя десять лѣтъ своей приходской пастырской жизни, въ пятидесятыхъ годахъ не разъ брался за перо. Имъ написано было тогда нѣсколько небольшихъ повѣстей и разсказовъ для народа и нѣсколько стихотвореній; все это вышло въ 1861 году отдѣльною книгой: „Повѣсти и пѣсни Ивана Наумовича“. Къ сожалѣнію, мы не имѣемъ подъ руками этой книги и потому позволяемъ себѣ познакомить читателей съ характеромъ этихъ хорошо извѣстныхъ каждому галичанину пѣсенъ, по переводу Н. В. Гербеля въ извѣстной книгѣ его: *Поэзія Славянъ, Сборникъ лучшихъ поэтическихъ произведеній славянскихъ народовъ въ переводахъ русскихъ писателей* (Спб. 1871 г., стр. 212). Вотъ одно изъ стихотвореній отца Наумовича, переведенное Гербелемъ.

Возвращеніе на родину.

Слава Богу, я въ телѣгѣ,
На Востокъ лицомъ,
Возвращаюсь въ край родимый,
Къ милымъ въ отчій домъ.

Кони добрые все шибче,
Шибче все бѣгутъ:
Пусть бѣгутъ—домой скорѣе
Къ милымъ привезутъ.

Возвращаясь изъ чужбины,
Я повеселѣлъ,
И въ привѣтъ странѣ родимой
Пѣсенку запѣлъ:

„Русь святая, будь во вѣки,
Какъ и въ оный часъ,
Ты для всѣхъ гостепріимна
И мила для насъ. [1]

Для болѣе яснаго и раздѣльнаго представленія литературной дѣятельности о. Наумовича, на страницахъ поименованныхъ выше изданій, мы сначала скажемъ о твореніяхъ его въ изданіяхъ Матицы, общества Качковскаго и журнала *Наука* и затѣмъ уже о его статьяхъ въ *Словѣ* и *Червонной Руси*.

Первыя изъ названныхъ изданій служатъ религіозно-народному просвѣщенію Галиціи въ духѣ Православія и русской народности не разъясненіемъ, не защитой этого просвѣщенія противъ польско-іезуитскихъ, нѣмецкихъ и украинно-фильскихъ нападокъ и козней, какъ то и слѣдуетъ быть въ газетахъ, а тѣмъ, что прямо, безъ какихъ бы то ни было разъясненій и апологетированій, предлагаютъ своимъ читателямъ такое чтеніе, которое служитъ выраженіемъ православнаго ученія и русско-народнаго духа и вмѣстѣ съ тѣмъ содѣйствуетъ улучшенію внѣшне-матеріальнаго положенія Галичанъ. Сообразно съ этимъ, какъ въ изданіяхъ Галицко-русской Матицы, такъ и особенно въ изданіяхъ общества Качковскаго, предлагаются народу тѣ или иные библейскіе разсказы и ученія, житія святыхъ и преимущественно древнехристіанской и русской Церкви, повѣсти и разсказы и преимущественно изъ галицко-русской жизни, религіозно-нравственнаго поучительнаго содержанія, такія или иныя сельско-хозяйственныя практическія наставленія и т. п.

---

[1] Замѣчательно въ этомъ стихотвореніи стремленіе поэта на Востокъ, въ святую Русь и желаніе видѣть ее гостепріимной для него. Какъ будто предчувствовалъ онъ, что ему дѣйствительно на склонѣ дней своей жизни придется ѣхать на Востокъ въ св. Русь и пользоваться ея гостепріимствомъ.

Въ основу всѣхъ этихъ изданій положены были о. Наумовичемъ тѣ самыя начала, которыя поставилъ онъ девизомъ своей приходской пастырской дѣятельности и нужно сказать, что начала эти: молись, учись, трудись и трезвись, проводились обществомъ въ его изданіяхъ со всею своею ясностію и неуклонностію. Эти же самыя начала положены о. Наумовичемъ въ основу и журнала *Наука*.

Изъ трудовъ его въ этихъ изданіяхъ отмѣтимъ нѣсколько небольшихъ разсказовъ духовно-нравственнаго и сельско-хозяйственнаго содержанія каковы: „Съ Богомъ“, „Наше поле“, „Зерна“, „Земля наша Мати“, „Максимъ-богачъ“, „Або Божіи суды“; послѣдній разсказъ заслуживаетъ особаго вниманія по своей нравственной тенденціи, совершенно противоположной тенденціи пресловутой „Власти тьмы“ гр. Толстаго, съ которой онъ имѣетъ сходство по своей фабулѣ.

Журналъ *Наука*, основанный самимъ о. Наумовичемъ и имъ же редактированный, со времени переселенія о. Наумовича къ намъ въ Россію въ 1886 году, издается уже не во Львовѣ, а въ Вѣнѣ подъ редакціею Д. М. Козарищука; тѣмъ не менѣе онъ до послѣдняго времени былъ, можно сказать, журналомъ о. Наумовича и не потому только, что онъ доселѣ остался по своему содержанію и направленію тѣмъ же, чѣмъ былъ и прежде, а потому, главнымъ образомъ, что о. Наумовичъ до послѣднихъ дней своей жизни оставался самымъ обильнымъ его вкладчикомъ и главнымъ руководителемъ и распорядителемъ. „Вы, писалъ г. Козарищукъ въ одномъ письмѣ къ о. Наумовичу,—дѣятель, я только труженикъ. Вы, такъ сказать, духъ, а я средство, тѣло“. Что же касается первыхъ годовъ *Науки*, то тогда она буквально почти вся составлялась и писалась самимъ отцомъ Наумовичемъ.

Чтобы ближе познакомиться съ *Наукой*—со степенью участья и характеромъ писаній въ ней отца Наумовича, мы должны сказать напередъ, что журналъ выходитъ еженедѣльно книгами въ три и пять листовъ поочередно; въ годъ около пятидесяти листовъ, а со дня основанія ея въ 1871 года она дала около тысячи листовъ текста и около 100 рисунковъ. Содержаніе ея, сказали мы, въ главномъ то же, что и содержаніе изданій общества Качковскаго, но существенное ея отличіе въ этомъ отношеніи то, что она въ каждой книжкѣ своей предлагаетъ чтеніе по всѣмъ означеннымъ выше отдѣламъ. Въ каждой книжкѣ *Науки*

на первомъ планѣ стоитъ Св. Писаніе съ истолкованіемъ его. Сообразно съ нравоучительною задачей журнала, въ немъ предлагается толкованіе учительныхъ книгъ Библіи, которое ведется не въ формѣ отрывочныхъ подстрочныхъ примѣчаній къ тому или иному слову, или выраженію, а въ видѣ живой поучительной бесѣды пастыря со своими пасомыми, или отца съ дѣтьми о заключающемся въ приведенной главѣ ученіи и касается не отдѣльныхъ мыслей, взятыхъ въ ихъ исключительной отдѣльности или оторванности отъ жизни, а приспособительно къ современнымъ нуждамъ и потребностямъ и излагается въ самой простой и общедоступной, часто даже разговорной формѣ. Въ этомъ смыслѣ эти нравоучительныя толкованія *Науки* безспорно могутъ занять видное мѣсто въ нашей проповѣднической истолковательной богословской литературѣ. Преслѣдуя главнымъ образомъ нравоучительныя задачи, *Наука* помѣщала на своихъ страницахъ больше всего толкованіе учительныхъ книгъ Ветхаго и Новаго Завѣтовъ. Такъ, въ 1890 года предложено было толкованіе Посланій Св. Ап. Павла къ Галатамъ и Ефесеямъ, а раньше было толкованіе книги Премудрости Іисуса сына Сирахова (въ текущемъ году печатается толкованіе книги Премудрости Соломона) и другихъ учительныхъ книгъ Ветхаго Завѣта. Толкованія эти, насколько мы знаемъ, въ прежнее время большею частію писаны были самимъ покойнымъ отцомъ протоіереемъ.

Второе мѣсто послѣ толкованія библейскаго текста въ *Наукѣ* занимаютъ извлеченія изъ святоотеческихъ твореній и преимущественно по своему содержанію въ славянскомъ переводѣ и обязательно славянскимъ шрифтомъ. Особенно много такихъ извлеченій изъ твореній Св. Іоанна Златоуста; въ 1889, напримѣръ, году кромѣ того помѣщены были посланія Св. Игнатія Богоносца, предваренныя свидѣтельствомъ о немъ древнихъ отцовъ Церкви и житіемъ его. Далѣе слѣдуетъ отдѣлъ, въ которомъ помѣщается или объясненіе ученія вѣры и богослуженія и преимущественно въ ихъ отличіи отъ инославныхъ и сретическихъ искаженій ихъ, или церковно-историческіе разсказы и опять преимущественно изъ исторіи русской Церкви. И этотъ отдѣлъ, какъ и первый, отличается своею краткостію, простотою, живостію изложенія, и такъ сказать, жизненностію содержанія. Какъ прекрасенъ, напримѣръ, помѣщенный въ 1891 году разсказъ „О свв. митрополитахъ московскихъ Петрѣ и Алексіи, и славномъ Мамаевомъ побоищѣ“. Много въ этомъ отдѣлѣ извлеченій и изъ сочиненій нашихъ

богослововъ и другихъ духовныхъ писателей (изъ твореній митрополитовъ Филарета, Иннокентія, изъ *Троицкихъ Листковъ* и т. п.); но несомнѣнно многое принадлежитъ перу и самого отца Наумовича, впрочемъ все-таки менѣе, чѣмъ въ слѣдующихъ отдѣлахъ. Здѣсь повѣсти и разсказы, взятые по большей части изъ галицко-русской народной жизни, строго-нравственнаго и религіознаго направленія и по большей части съ практическими задачами или познакомить съ исторіею славянства или сообщить какія-либо сельско-хозяйственныя свѣдѣнія, совѣты и наставленія.

Выше мы познакомили уже отчасти своихъ читателей съ разсказами: „О. Ѳеодоръ“ и „Завѣтные тополи“; разсказы эти помѣщены были первоначально въ *Наукѣ*; тамъ же помѣщены были хорошо извѣстные русской читающей публикѣ: „Четыре путеводителя доброй жизни,“ „Псалтырникъ“ и др. По нимъ отчасти можно судить и объ остальныхъ разсказахъ, которые отдѣльно у насъ, въ Россіи, не были изданы, таковы, напримѣръ, печатавшійся въ 1888 году „Романъ Кузьмина“, или въ 1890 году: „Не въ грошахъ счастіе“. Дѣйствуя во имя единенія съ Великороссіей, *Наука* и въ этомъ отдѣлѣ помѣщала не мало произведеній нашей беллетристической литературы. Таковы, напримѣръ, нѣкоторые разсказы нашихъ первоклассныхъ писателей: Гоголя, Толстаго и др. хорошо, конечно, извѣстныхъ нашимъ читателямъ; разсказъ Благовѣщенскаго—„Степанычъ Старичекъ“, давно уже былъ напечатанъ въ *Наукѣ*.

За разсказами слѣдуютъ статьи по этнографіи, въ которыхъ сообщаются свѣдѣнія главнымъ образомъ о разныхъ славянскихъ народахъ, ихъ обычаяхъ, вѣрованіяхъ и образѣ жизни и т. п. (напримѣръ, въ 1891 году о Гуцулахъ), по современности, гдѣ приводятся по большей части біографіи и некрологи выдающихся славяно-русскихъ православныхъ дѣятелей и т. п., по народному хозяйству и гигіенѣ. Указанныя нами выше книжки отца Наумовича по этому вопросу, изданныя имъ уже у насъ, въ Россіи, представляютъ собою не больше, какъ сводъ или резюме статей объ этомъ въ *Наукѣ*. Въ концѣ журнала есть, такъ-сказать, газетный отдѣлъ, въ которомъ сообщаются свѣдѣнія о текущихъ событіяхъ политической и церковно-общественной жизни и особенно, конечно, изъ славяно-русскаго міра съ освѣщеніемъ ихъ съ точки зрѣнія православія и русской народности (въ 1888 году цѣлыхъ два нумера *Науки* посвящены были празднованію 900-лѣтія крещенія Руси). Особенно достойны вниманія по

мѣткости своихъ сужденій „Бесѣды Струка“, помѣщающіяся въ каждомъ нумерѣ *Науки* и писанныя если не всегда самимъ отцомъ Наумовичемъ, то всегда подъ его, такъ-сказать, непосредственнымъ руководствомъ.

Говоря о литературныхъ трудахъ отца-протоіерея Наумовича, мы указали тѣ цѣли и задачи, которыя преслѣдовалъ онъ, ихъ направленіе и отчасти характеръ ихъ содержанія и даже перечислили важнѣйшіе изъ этихъ трудовъ; но мы ничего еще не сказали объ ихъ внѣшней сторонѣ, объ ихъ языкѣ и изложеніи. Языкъ ихъ общерусскій съ удержаніемъ особенностей галицкорусскаго нарѣчія; особенности эти состоятъ въ употребленіи нѣкоторыхъ областныхъ словъ и оборотовъ рѣчи, необычныхъ въ общерусской литературѣ, и приближающихъ это нарѣчіе болѣе къ церковно-славянскому языку и народному говору, напримѣръ, *якъ*, вмѣсто *какъ*, *що и щобы*, вмѣсто *что и чтобы*, *маетъ*, вмѣсто *имѣетъ*, въ неопредѣленномъ наклоненіи окончаніе *и* вмѣсто *ь* и т. п. Но не въ этихъ особенностяхъ дѣло, а въ томъ, что основной строй, по которому образовывается этотъ языкъ, какъ по своему образцу, есть строй общерусскаго литературнаго языка. Достойны въ этомъ отношеніи вниманія тѣ рѣчи, которыя по тому или иному поводу высказывались покойнымъ въ *Наукѣ* объ этомъ общерусскомъ языкѣ, и то, что въ *Наукѣ* очень нерѣдки перепечатки образцовыхъ произведеній нашей духовной свѣтской литературы безъ всякихъ измѣненій ихъ языка. Что же касается языка литературныхъ произведеній отца Наумовича въ смыслѣ ихъ изложенія и такъ-сказать склада рѣчи; то въ этомъ отношеніи отецъ Наумовичъ долженъ быть причисленъ къ первокласснымъ народнымъ писателямъ. Такъ простъ, живъ, картиненъ и нагляденъ языкъ его; а вмѣстѣ съ тѣмъ какая сила, глубина и мѣткость мысли въ этихъ простыхъ и понятныхъ даже дитяти его образахъ, сравненіяхъ и уподобленіяхъ! Какъ легокъ и чистъ этотъ языкъ чуждый съ одной стороны польскаго фразерства и многоглаголанія, а съ другой латинской періодичности и сухости! Этотъ языкъ чисто-народный—съ его краткостію, образностію и тонкимъ благодушнымъ юморомъ; а вмѣстѣ какимъ тепломъ вѣетъ отъ его рѣчи! Поистинѣ она есть полное отраженіе его дѣтски-простой, чистой и любящей души! „Какъ прелестно и непостижимо описываетъ онъ, говоритъ г. Козарищукъ, зеленыя лѣса и покрытыя пшеничкой поля, и сады, и рѣки, и гулъ карпатскаго грома! Якъ вѣрно изображалъ онъ мужика,

якъ зналъ его воззрѣнія на міръ, якъ шутилъ надъ нимъ, обучая его всему доброму и полезному! Кто опишетъ намъ такъ село съ его дроздами, зайцами, сойками, кто опишетъ праздники, кто будетъ такъ мастерски и краснорѣчиво опровергать заблужденія нашихъ людей, якъ онъ!“ Да самый чисто-русскій юморъ его полонъ христіанскаго благодушія и доброты. Поистинѣ отецъ Наумовичъ въ языкѣ своемъ, въ складѣ своей рѣчи образцовый народный писатель и этимъ, конечно, объясняется то чарующее впечатлѣніе, какое производитъ его рѣчь. Не даромъ многіе разсказы его переведены не только на русскій, а и французскій языки, какъ, напримѣръ, „Онуфрій Грушкевичъ“.

Заключительный выводъ, какой вполнѣ справедливо сдѣлать изъ этого общаго обозрѣнія содержанія *Науки* по отношенію къ характеристикѣ ея тотъ, что начала, положенныя отцомъ Наумовичемъ въ основѣ духовно-просвѣтительной дѣятельности учрежденнаго имъ общества М. Качковскаго, красною нитью проходитъ чрезъ всѣ книжки *Науки* съ такою же ясностію и строго опредѣленностію, какъ и изданіяхъ общества, что конечно вполнѣ и естественно, ибо одинъ и тотъ же отецъ Наумовичъ основатель *Науки* и общества Качковскаго. Конечно, духовно-просвѣтительная дѣятельность общества Качковскаго, имѣющаго тысячи своихъ членовъ, разсыпанныхъ по всей Галиціи и чрезъ нихъ посредство помогающаго возвышенію и улучшенію духовно-нравственнаго и матеріальнаго положенія Галичанъ не однимъ изданіемъ книжекъ, а и открытіемъ обществъ трезвости, школъ и разныхъ другихъ благотворительныхъ учрежденій, а также защитою попираемыхъ правъ Галиціи предъ закономъ и обществомъ, гораздо шире, такъ-сказать, по своимъ размѣрамъ и несомнѣнно плодотворнѣе по своимъ дѣйствіямъ, чѣмъ журналъ *Наука*; но это нисколько не умаляетъ значенія духовно-просвѣтительной дѣятельности отца Наумовича и основанной имъ *Науки*; ибо 1) имъ же основано и самое это общество — имъ именно положены въ основу его дѣятельности и указанныя начала и 2) самое это общество въ лицѣ тысячи своихъ членовъ дѣлало и дѣлаетъ свое дѣло не только вполнѣ солидарно съ *Наукой* въ смыслѣ конечныхъ его цѣлей, а нерѣдко и чрезъ посредство и при помощи *Науки*, точно такъ же какъ и наоборотъ, такъ что отдѣлять одно отъ другаго въ ихъ значеніи едва ли справедливо. [1]

[1] Самые отчеты общества, изображающіе эту дѣятельность, печатаются въ *Науки*, и не только мы, а и многіе въ самой Галиціи чрезъ посредство *Науки* знаютъ объ этомъ обществѣ и содѣйствуютъ ему.

О достоинствѣ и значеніи *Науки* отца Наумовича, равно какъ и другихъ его литературныдъ произведеній для Галицко-русскаго народа, г. Авдыковскій издатель и редакторъ *Галицкой Руси*, (теперь *Галичанина*), въ которой немало работалъ отецъ Наумовичъ, вотъ что говорилъ между прочимъ: „Кто не знаетъ основаннаго имъ журнала *Наука*, она подняла (подняла) народъ интеллектуально, изъ *Науки* научается народъ любити свою землю, въ чести имѣти трудъ, жити тверезо (трезво), осушовати мочары (болота), спяти пашу (пашню), закладати сады, разводити пасѣки и разумно коло нихъ ходити и пр. Основанная равно же имъ политическая популярная газета *Русская Рада* и затѣмъ славное общество Качковскаго, особенно же то послѣднее, были вѣнцемъ дѣятельности Наумовича, пріобрѣли ему широкую популярность на Галицкой Руси, уваженіе и признательность у чужихъ, даже у противниковъ. Наумовичъ есть творецъ галицко-русской энциклопедичной литературы, составляющей эпоху въ литературномъ и культурномъ развитіи Галицко-русскаго народа. Онъ указалъ тому народу путь къ высшимъ идеаламъ и народъ тотъ, несмотря на противныи голосы искусственно вызванныхъ партій, называетъ и во вѣки называти будетъ Наумовича своимъ просвѣтителемъ. Научилъ Русскій народъ исторіи, научилъ любити свою церковь, обрядъ, землю, однимъ словомъ, якъ Моисей, вывелъ онъ тотъ народъ изъ тьмы и указалъ ему битую стежку (тропу) по которой легко достигнути цѣли.“

Да, великое значеніе очерченной нами духовно-просвѣтительной дѣятельности отца Наумовича заключается, какъ вполнѣ вѣрно указываетъ это и г. Авдыковскій, не въ томъ только, что онъ на ряду съ другими заботился о просвѣщеніи Галицко-русскаго народа, старался поднять и дѣйствительно поднималъ его нравственно и матеріально, развивалъ въ немъ народное самосознаніе и любовь къ родинѣ, не въ томъ только, что онъ стоявшій во главѣ этого просвѣтительнаго движенія больше и энергичнѣе другихъ дѣйствовалъ, а въ томъ, что онъ проливалъ свѣтъ своей *Науки* въ самую глубь народной жизни, разносилъ этотъ свѣтъ по селамъ и захолустьямъ, по крестьянскимъ хатамъ и курнымъ избамъ, освѣжалъ и оздоровлялъ самые корни народа—крестьянство. Заботясь о всѣхъ своихъ братьяхъ, онъ не только не забывалъ, а ставилъ во главѣ этихъ *всѣхъ* простой народъ, снизу, съ корней народа—съ простыхъ селянъ начиная свое духовно-просвѣтительное дѣло и при просвѣщеніи ихъ Хри-

стовою истиной и правдою народной, не забывал и ихъ пашн, и ихъ пасѣки [1]. Въ этомъ отношеніи онъ былъ во истину піонеромъ въ дѣлѣ духовнаго возрожденія Галиціи.

Но почившій отецъ протоіерей великъ былъ для Галиціи не одною своею положительною духовно-просвѣтительною дѣятельностью, а и отрицательно-критическою, которая была вмѣстѣ съ тѣмъ и приготовительною. Главное достоинство очерченной нами литературной дѣятельности его, выразителями которой служатъ основанные имъ общество Качковскаго и журналъ *Наука*, заключается въ томъ, что онъ былъ для своей Галиціи сѣятелемъ добраго сѣмени; но онъ не только доброе сѣмя сѣялъ на нивѣ народной, а и напередъ того разрыхлялъ ея почву, вспахивалъ и очищалъ ее отъ сорныхъ травъ и камней, которыми закидали ее пришедшіе ночью враги. Такое именно значеніе на нашъ взглядъ имѣетъ его критически-отрицательная дѣятельность, начатая имъ въ *Словѣ* и основанной имъ „Русской Радѣ“, продолженная въ сеймѣ и тюрьмѣ и законченная уже за предѣлами отечества—въ Россіи, на Кавказѣ, гдѣ искалъ онъ мѣста для колоній Галичанъ.

Вѣрно, что Галиція доселѣ еще уніатская, — доселѣ еще въ ней старорусская партія не занимаетъ подобающаго ей положенія и не имѣетъ нужной силы; но что жъ изъ того? „Болѣзнь входитъ пудами, а выходитъ золотниками“, говоритъ народная пословица, и каждый по опыту знаетъ, какъ это страшно справедливо. Если же это справедливо по отношенію къ физической болѣзни одного индивидуума, то также справедливо и по отношенію къ цѣлому народу, а еще быть-можетъ справедливѣе къ духовнымъ немощамъ и болѣзнямъ. Вѣрно, что и теперь еще украинофильствующія партіи имѣютъ большую силу въ Галиціи; но вѣрно и то, что теперь свои идеалы и симпатіи партія эта должна уже не развивать и проводить, а защищать и охранять отъ своихъ же, что между украйнофилами и сторонниками велико-

[1] О томъ, какъ высоко отецъ Наумовичъ цѣнилъ мужичковъ въ дѣлѣ оздоровленія края, можно судить, между прочимъ, по тому, что писалъ онъ объ этомъ уже изъ Кіева въ одномъ изъ своихъ писемъ къ московскимъ друзьямъ. „Я надѣюсь скоро кончить дѣло въ Гниличкахъ, на которое такъ сѣтуетъ N, подучавшій меня, чтобъ я съ мужиками не переписывался Но я считаю мужиковъ лучшими всѣхъ насъ. Это сила Руси почтенная, неиспорченная. Я съ наслажденіемъ говорю съ моими двумя гостями, понимающими меня и любящими меня.

русскихъ идей идетъ борьба, и перевѣсъ не всегда-то бываетъ на сторонѣ первыхъ. А эти-то идеи и сѣялъ отецъ Наумовичъ, и если сѣмя этихъ идей, какъ можно судить о томъ по сейчасъ указанной нами борьбѣ, взошло; то, Богъ дастъ, и выростетъ,— выростетъ и плодъ принесетъ. Это же самое, сказанное нами о національномъ самосознаніи Галиціи, вполнѣ приложимо и къ самосознанію религіозному съ тѣмъ необходимымъ прибавленіемъ, что здѣсь это возрожденіе должно быть еще труднѣе, еще тяжелѣе. „Зерно если не умретъ, одно пребываетъ, если же умретъ, многъ плодъ принесетъ", сказалъ Спаситель (Іоан. 12, 24), давъ намъ понять, что тотъ же законъ жизни и въ духовномъ мірѣ. Путь къ славѣ и воскресенію есть путь креста и смерти. И чѣмъ глубже паденіе, чѣмъ больше извращена истина, тѣмъ тяжелѣе возстаніе, тѣмъ труднѣе возвращеніе на правый путь. Но за то тѣмъ тверже должно быть это возстаніе, тѣмъ крѣпче это убѣжденіе въ истинѣ. Такъ смотримъ мы на то, что Галиція доселѣ еще уніатская. Отецъ Наумовичъ, бывшій убѣжденнымъ уніатомъ, сталъ православнымъ; будетъ православною и Галиція. Ручательствомъ въ этомъ служитъ самъ отецъ Наумовичъ, — тотъ путь, которымъ пришелъ къ православію самъ просвѣтитель Галиціи...

Обратимся же къ обозрѣнію этого пути — пути борьбы и страданій.

V.

Дѣятельность о. Наумовича направленная противъ порабощенія Галиціи польщинѣ и католичеству и въ пользу православія — литературная и общественная. Преслѣдованіе его со стороны враждебной православію и Россіи свѣтской и духовной власти· его тюремное заключеніе и лишеніе сана и прихода. Принятіе о. Наумовичемъ православія и рѣшеніе переселиться въ Россію.

Начало борьбы отца Наумовича съ католичествомъ и католическимъ правительствомъ относится еще къ шестидесятымъ годамъ, когда онъ въ газетѣ *Слово* началъ печатать длинный рядъ убѣдительныхъ и глубокопрочувствованныхъ статей о необходимости очищенія греко-восточнаго обряда Галицко-Русской уніатской церкви отъ латино-польскихъ примѣсей, систематически вводимыхъ римско-польскимъ вліяніемъ, съ цѣлію *удаленія русскихъ* уніатовъ отъ православной и приближенія ихъ къ римско-католической церкви. Существенная черта этихъ статей та, что въ нихъ отецъ Наумовичъ ратовалъ за очищеніе обряда не во имя

православія, а во имя, такъ-сказать, академической истины; онъ былъ тогда убѣжденнымъ уніатомъ и возставалъ главнымъ образомъ противъ политическаго порабощенія народа посредствомъ церкви. „Его глубоко-обдуманныя, говоритъ г. Авдыковскій, на неопровержимыхъ историческихъ и догматическихъ источникахъ основанныя обрядовыя статьи, помѣщавшіяся въ первыхъ родникахъ (годовыхъ изданіяхъ) *Слова*, довели къ очисцѣ нашего обряда, заставали насъ опомнутись о права нашей церкви и стати въ защитѣ нашего духовенства. Онъ выборолъ для нашей церкви попранныя ея достоинства.“ Благодаря автора этихъ статей (разумѣется отца Наумовича), говоритъ о немъ одинъ изъ нашихъ публицистовъ, вопросъ объ очищеніи греко-восточнаго обряда отъ латинскихъ примѣсей сдѣлался въ Галичинѣ однимъ изъ самыхъ жгучихъ вопросовъ. Послѣдствіемъ безпрерывныхъ о немъ толковъ было, между прочимъ, то, что уніатскіе священники стали не только сами, не справляясь съ мнѣніемъ епископовъ, исправлять по старымъ церковнымъ книгамъ обрядъ богослуженія, но многіе изъ нихъ, по примѣру Наумовича, посбросали съ себя узкія сутанны ксендзовскаго покроя и на мѣсто ихъ сшили себѣ широкополыя рясы и отпускали даже бороду...“

Что̀ для очистки церковнаго обряда и для духовенства сдѣлалъ отецъ Наумовичъ на страницахъ *Слова*, то для защиты и возстановленія правоваго порядка Галичанъ и для просвѣщенія въ этомъ отношеніи селянъ дѣлалъ онъ своею „Русскою Радой“ участіемъ въ другихъ политическихъ галицко-русскихъ газетахъ и особенно своими умными, обстоятельными, твердыми и горячими рѣчами, сначала во Львовскомъ сеймѣ, куда онъ трижды избираемъ былъ депутатомъ отъ Перемышльскаго округа, и потомъ въ самомъ Австрійскомъ парламентѣ. „Удивлялись особенно, читаемъ мы объ этой его общественно-политической дѣятельности въ *Галицкой Руси*, всѣ его *цивильной* отвагѣ (гражданскому мужеству), съ которою онъ въ одной изъ рѣчей своихъ назначилъ становище Галицкой Руси столь рьяно оспариваемое поклонниками принципа: divide et impera. Избранный въ семидесятыхъ годахъ въ державную думу, причислялся Наумовичъ къ виднѣйшимъ членамъ таковой, яко отличный витія и неустрашимый защитникъ правъ нашей св. Руси.“

Преемникъ о. Наумовича по изданію *Науки* въ августовской книжкѣ этого журнала за 1891 годъ, оплакивая горькую утрату по-

несенную Галиціей со смертію его, такъ мѣтко художественно рисуетъ значеніе общественно-политической дѣятельности галицкаго патріота-просвѣтителя: „Тотъ мужичекъ, тотъ предметъ постоянныхъ заботъ о. Ивана, онъ любилъ его всею силою своей души, онъ считалъ великаго покойника чуть ли не святымъ, чуть ли не ангеломъ хранителемъ, съ неба. Да кто не помнитъ той умилительной сцены, которая произошла на львовской стрѣльницѣ послѣ василіанскаго вѣча? Тысячи Русскаго народа собрались, чтобы протестовати противъ занятія іезуитами русскихъ монастырей. Все-то ученики Наумовича. И вдругъ увидѣлъ народъ своего просвѣтителя, подъ однимъ изъ деревъ сидѣлъ сѣдовласый старикъ съ длинными волосами и сѣдою бородой. И чудно было смотрѣти, когда мужики стали подходити къ старцу, якъ цѣловали его руки и колѣна, величая его своимъ отцемъ просвѣтителемъ. Якимъ прекраснымъ не земнымъ блескомъ сіяли тогда его чудныи голубыи очи, онъ цѣловалъ всѣхъ въ чело и голову, благословилъ свое стадо и тихая молитва плыла изъ его медоточивыхъ устъ. Благословилъ его Господь дождатися велокой радости видѣти благодарность чистыхъ простыхъ сердецъ. Онъ видѣлъ великолѣпныи плоды своихъ неусыпныхъ трудовъ, своей *Науки*, созданнаго имъ общества им. М. Качковскаго; ему воздавали любовью за всю его любовь, за тепло, съ которымъ онъ писалъ для бѣднаго темнаго народа. Да и якъ онъ писалъ. Тутъ стоитъ предъ очима одинъ галицкій мужичекъ, посѣтившій меня въ Вѣнѣ. Увидѣвши портретъ о. Ивана, онъ заплакалъ и великіи слеза покатилась по лицу и сѣдымъ усамъ сельскаго патріота. Онъ долго, долго смотрѣлъ на черты лица покойнаго и проговорилъ слѣдующее прекрасное слово: видите, когда бывало зимою, въ морозъ и, вьюгу я верну до дому и пальцы зацѣпенѣли, що и батога изъ рукъ пустити не могу и прійду въ хату, а на столѣ книга о. Ивана изъ почты, тогда я уже и не лѣзу на печь, щобы загрѣтися, а читаю книжечку и грѣюсь тепломъ, которое отъ нея вѣетъ“. Прекрасно сказано! тѣ простыя слова изъ устъ простаго мужика не лучшее ли доказательство, кого мы потеряли“.

Цѣлительнымъ бальзамомъ были эти газетныя статьи и эти рѣчи о. Наумовича для изболѣвшей, изстрадавшейся и обманутой Галиціи; но не такъ взглянули на нихъ тѣ самые, которые измучили, обездолили и обманули Галичанъ. Когда раздался этотъ голосъ и пронеслись эти рѣчи по всей Галиціи, когда отъ

этого голоса проснулся спящій Галичъ, проясняться стали его умныя очи, опознаваться началъ онъ въ своей дѣдовской вѣрѣ и родствѣ съ великою Россіей и потянуло его сердце къ Почаеву, Кіеву и Москвѣ, съ ихъ святынями православными и устоями вѣковѣчно-русскими; услыхали шумъ отъ этого движенія, увидали тѣнь его сторожевые лаятели галицкіе и задумали крикомъ заглушить этотъ шумъ и силою задавить это движеніе, а прежде и больше всего того вѣщаго глашатая изловить,—задумали, сдѣлали и... на время успѣли... Ляхи и іезуиты во время обратили серьезное вниманіе, какъ вѣнскаго правительства, такъ и римскаго папы, на схизматическое движеніе духовенства и народа въ Галиціи. По настоянію папы тогдашній митрополитъ уніатскій Григорій Яхимовичъ, въ душѣ сочувствовавшій этому движенію, вынужденъ былъ подвергнуть о. Наумовича церковному наказанію и посовѣтовать ему поумѣрить церковную пропаганду въ означенномъ направленіи... Затихло на время движеніе въ Галиціи; но не замолкъ вождь и просвѣтитель галицкій.

Уніатскихъ поселянъ малыхъ Гнилищъ, что̀ недалеко отъ большихъ Гнилищъ, стали заставлять платить дань на ненужный имъ приходъ великихъ Гнилищъ; тѣ не захотѣли платить этой двойной дани; и стойкій защитникъ галицко-русской правды горячо сталъ поддерживать ихъ въ этомъ спорѣ, указывая имъ на востокъ, на православіе, какъ на завѣтную мечту. Давно уже слѣдившіе за нимъ и подстерегавшіе его польско-іезуитскіе недруги его тотчасъ донесли по начальству; наѣхали власти и засадили въ тюрьмы по обвиненію въ государственной измѣнѣ не только о. Наумовича, а и всѣхъ близкихъ его, друзей его, почитателей и сторонниковъ. Немало Галичанъ, единомышленныхъ о. Наумовичу, посажено было тогда съ нимъ въ тюрьму по обвиненію въ мнимой государственной измѣнѣ; долго тянулось предварительное слѣдствіе, пока, наконецъ, не назначенъ былъ въ Львовѣ судъ, по которому большинство обвиненныхъ были оправданы; но не оправданъ былъ о. Наумовичъ, который за возмущеніе общественнаго порядка приговоренъ былъ къ восьми-мѣсячной тюрьмѣ. Но ни тюрьма, ни отнятіе у него прихода, не сломили его стойкости, его вѣры въ истинные принципы и идеалы. Привлеченный къ отвѣтственности предъ духовными властями онъ не пошатнулся и здѣсь. Папа отлучилъ его отъ Церкви, обвинивъ въ приверженности къ схизмѣ, то-есть, къ православію. На

отлученіе папы Льва XIII о. Наумовичъ отвѣчалъ извѣстною апелляціею, въ которой обстоятельно на основаніи церковно-историческихъ документовъ излагалъ исторію и права Русской Церкви въ Галиціи и характеризовалъ свою тридцатилѣтнюю дѣятельность среди Галицко-русскаго народа;[1] но апелляція не измѣнила отношеній къ нему высшей духовной уніатской власти. Лишенный сана и прихода, преслѣдуемый польско-іезуитскими кознями, о. Наумовичъ рѣшился искать душевнаго мира въ лонѣ православной церкви. 6 октября 1885 г. въ львовской православной церкви совершенъ былъ надъ нимъ обрядъ присоединенія къ православію. Послѣ этого оставаться ему въ Галиціи было уже немыслимо. Съ удаленіемъ отъ прихода и съ переходомъ въ православіе, лишившійся послѣднихъ средствъ къ жизни и своего угла, поставленный подъ строгій полицейскій надзоръ, навлекавшій непріятности на земляковъ, съ которыми ему иногда даже поневолѣ приходилось сообщаться — онъ вынужденъ былъ, наконецъ, оставить родные придѣлы Галицкой Руси „каменіемъ побивающей собственныхъ пророковъ“ и переселиться въ Россію, въ матерь городовъ русскихъ — богоспасаемый Кіевъ.

VI.

Переселеніе о. Наумовича въ Россію; его общественное положеніе и дѣятельность: литературныя занятія о. Наумовича въ послѣдніе три года его жизни; заботы и труды его по матеріальнымъ дѣламъ Галичанъ и особенно по дѣлу объ ихъ переселеніи.—Кончина о. Наумовича.

Съ любовью и почтеніемъ къ этому неустрашимому и стойкому борцу за правду русскую, къ этому страдальцу за вѣру православную, къ которой пришелъ онъ, всею жизнію и дѣятельностію своего ума убѣжденный въ ея истинѣ, приняла его вся Православная Россія, въ лицѣ Самого Русскаго Царя, іерарховъ Русской Церкви и всѣхъ именитыхъ и славныхъ гражданъ. Скоро послѣ переселенія въ Россію въ 1888 году о. Наумовичъ награжденъ былъ отъ Государя Императора золотымъ наперснымъ крестомъ, а Св. Синодъ возвелъ его въ званіе протоіерея. Живо припоминается намъ съ какимъ умиленіемъ присутствовалъ за пер-

[1] Она тогда же напечатана у насъ въ Россіи въ 1883 году.

вымъ богослуженіемъ почившаго у насъ въ Россіи великій гражданинъ земли Русской покойный М. Н. Катковъ...

Вскорѣ послѣ переселенія о. Наумовича въ Кіевъ особенно благоволившій къ нему покойный митрополитъ Кіевскій Платонъ назначилъ его сначала епархіальнымъ миссіонеромъ для борьбы съ штундизмомъ, а затѣмъ приходскимъ священникомъ въ село Борщаговку, недалеко отъ Кіева; въ послѣднее время онъ оставилъ приходъ и отдался исключительно занятіямъ литературой и другими дѣлами на пользу родной своей Галиціи, пока наконецъ не сложилъ свои кости вдали отъ своей родины. „Когда кончу свое дѣло на Кавказѣ, писалъ онъ лѣтомъ 1890 года одному изъ своихъ московскихъ друзей, пріѣду въ Москву кажется на постоянное жилище. Тамъ безпрепятственно буду заниматься литературой; — впрочемъ увидимъ, куда броситъ меня судьба“... И вотъ, не онъ, а мы увидѣли, что не въ Москвѣ— сердцѣ Россіи, а тамъ на далекой окраинѣ ея—въ городѣ Новороссійскѣ, надъ Чернымъ моремъ, 4 августа 1891 года ни для кого изъ насъ нежданно перешелъ онъ духомъ своимъ въ вѣчный покой въ обителяхъ Отца Небеснаго, и тѣло его 18 сентября погребли въ Кіевѣ—на Аскольдовой могилѣ,—тамъ, вблизи купели Крещенія Россіи при св. Владимірѣ, гдѣ самъ онъ давно уже намѣтилъ мѣсто для своей могилы...

Такъ на 65 году своей жизни волею Божіею скончался тотъ, кто поистинѣ былъ просвѣтителемъ Галиціи и вполнѣ достойно и праведно заслужилъ безграничную любовь и глубокое уваженіе не только отъ своихъ друзей, а даже и недруговъ своихъ, по крайней мѣрѣ по смерти своей. Но прежде чѣмъ говорить объ этихъ посмертныхъ отзывахъ о почившемъ, остановимся еще нѣсколько на послѣднихъ годахъ его жизни уже у насъ въ Россіи, вдали отъ Галиціи; вѣдь эти старческіе годы его изгнанической жизни не остались безслѣдными съ его стороны для духовнаго просвѣщенія и матеріальнаго улучшенія Галиціи.

Благодарный Россіи за дарованный ему пріютъ, за ласку и любовь, съ которыми приняли его русскіе братья его, онъ не могъ и не хотѣлъ, какъ говорилъ онъ „ѣсть русскій хлѣбъ даромъ“ и прежде всего сталъ трудиться на пользу духовнаго просвѣщенія нашего Русскаго народа. Такъ, помимо исполненія прямыхъ своихъ обязанностей сначала какъ миссіонера, а потомъ какъ приходскаго пастыря, онъ много сталъ работать для Россіи перомъ своимъ. Объ этихъ трудахъ его мы отчасти сказали

выше уже въ своей рѣчи объ его народныхъ календаряхъ [1] и нѣкоторыхъ повѣстяхъ, изданныхъ у насъ въ Россіи; здѣсь же отмѣтимъ еще, что онъ былъ однимъ изъ самыхъ дѣятельныхъ сотрудниковъ издающихся при Св. Синодѣ *Церковныхъ Вѣдомостей.*

Когда назадъ тому четыре года, мы праздновали пятидесятилѣтіе присоединенія къ православію нашихъ холмскихъ уніатовъ, о. Наумовичъ написалъ тогда прекрасный историческій очеркъ уніи; не разъ говорилъ онъ горячія рѣчи о Славянахъ, и особенно о своей Галиціи въ Славянскомъ Благотворительномъ Обществѣ. А сколько, кромѣ того, онъ еще задумывалъ только. „Я теперь, писалъ онъ въ Москву въ январѣ 1891 года, затѣваю другое дѣло, потому что отказался отъ прихода, и вообще отъ всякой должности. Начну издавать книжечки: „Вечернія занятія", для окончившихъ курсъ сельской школы молодыхъ людей алчущихъ и жаждущихъ свѣта. [2] Скромное сознаніе того, что съ одной стороны здѣсь въ Россіи „при великомъ множествѣ славныхъ тружениковъ, какъ опять самъ о. Наумовичъ говорилъ, трудъ его излишенъ", а съ другой стороны его безпредѣльная любовь къ Галиціи были причиною того, что онъ здѣсь не прекратилъ своей многоплодной дѣятельности на пользу Галиціи. Не говоря уже о *Наукѣ*, въ которой, какъ мы говорили выше, онъ до послѣднихъ дней своихъ принималъ самое непосредственное и большое участіе, онъ очень много писалъ въ галицко-русскихъ газетахъ, каковы: *Русская Правда*, издающаяся въ Вѣнѣ, и особенно *Галицкая Русь*. „Посредствомъ своего золотаго пера, говоритъ г. Авдыковскій, разговаривалъ онъ со своими земляками, поддерживая въ нихъ бодрость духа и ясность воззрѣній, столь необходимыхъ въ борьбѣ за народное существованіе". [3] И не словомъ лишь, а и дѣломъ знаменовалась закор-

---

[1] Нѣкоторыя литературныя приложенія этихъ календарей изданы были отдѣльными книжками; таковы книжки: «Какъ въ простотѣ люди живутъ» (1889) и «Христіанскія добродѣтели» (1889 г.)

[2] Онъ не только самъ писалъ духовно-нравственныя сочиненія для народа и объ нихъ, а и другихъ побуждалъ и другимъ помогалъ, тратя на это послѣдніе свои средства. Такъ мы знаемъ, что онъ на свой собственный счетъ издалъ небольшую брошюру о проповѣдничествѣ, очень пригодную для нашихъ сельскихъ пастырей. Къ несчастію брошюра эта доселѣ лежитъ и потраченныя деньги о. Наумовича не возвратились ему...

[3] Вотъ, напримѣръ, выдержка изъ писемъ о. Наумовича къ одному изъ его земляковъ, принужденному какъ и онъ жить въ Россіи, характеризующая его чувства къ Галиціи: «народъ ждетъ первыхъ отрядовъ казаковъ съ восторгомъ; Православіе пойдетъ по телеграфу. Іезуиты и вся западническая сволочь улетучится и замолчитъ. Русь наша воспраздноветъ 548-лѣтнюю годовщину отъ исканія независимости. Двуглавый орелъ мощными крылами обойметъ все Славянство. И мы пойдемъ туда, гдѣ жатвы еще много».

донная дѣятельность о. Наумовича для Галицкой Руси. За свидѣтельствовать таковую могутъ вѣрители и должники русскаго банка во Львовѣ, первый не потерявшій много вслѣдствіе паденія той институціи изъ сбереженныхъ въ ней капиталовъ, послѣдній—пріобрѣтши значительныя облегченія при уплатѣ своихъ долговъ. Громадныя суммы (около 300.000 р.) выхлопоталъ, вымолилъ о. Наумовичъ у заграничныхъ русскихъ капиталистовъ для спасенія своихъ земляковъ". Особенно много помогъ чрезъ него въ этомъ дѣлѣ Галичанамъ, хорошо знавшій и глубоко почитавшій о. Наумовича, бывшій министръ финансовъ И. А. Вышнеградскій, бывшій тогда директоромъ юго-западныхъ желѣзныхъ дорогъ [1].

Въ послѣднее время вниманіе о. Наумовича обратила на себя эмиграціонная горячка, охватившая русскую часть Галичины и готовившая галицкимъ крестьянамъ разореніе и неминуемую гибель въ Бразильскихъ пустыняхъ, куда завлекали ихъ разные еврейскіе гешефтмахеры. Стиснулось болью сердце великаго народолюбца и подвигло его еще на одинъ знаменательный шагъ для блага своихъ земляковъ—шагъ, къ сожалѣнію, послѣдній въ его жизни. Убѣдившись въ невозможности остановить эмиграцію галицко-русскихъ селянъ, онъ задумалъ направить ее туда, гдѣ не угрожала эмигрантамъ ни матеріальная, ни тѣмъ болѣе нравственная и національная гибель. Взоръ его упалъ на плодородныя и не заселенныя пространства на Кавказѣ. „Это очень важно, писалъ онъ въ одномъ письмѣ въ Москву; будетъ связь народа Галицко-русскаго съ Россіей и его Церкви съ Православіемъ. Шизма, (какъ называютъ православіе католики), потеряетъ свой видъ страшилища". Въ этомъ же духѣ много писалъ въ 1891 году и въ *Наукѣ* и въ *Галицкой Руси*; объ этомъ много хлопоталъ онъ и въ Петербургѣ. Но желая своими, такъ ска-

---

[1] Но, чтобы яснѣе судить о томъ, чего стоили ему эти хлопоты по дѣлу банка, позволимъ себѣ выписать нѣсколько строкъ изъ одного письма его того времени, по поводу нѣкоторыхъ злоупотребленій открытыхъ имъ въ дѣлахъ Банка. «Дни, прожитые мною въ Петербургѣ, несмотря на самое блистательное гостепріимство, были для меня днями страданій. Я ходилъ по тѣмъ лѣстницамъ опечаленный въ виду лжи г. N... Я переносилъ въ моей жизни много и тяжелыхъ крестовъ, но тотъ былъ самый тяжелый. Ахъ, когда бы и не было рѣчи о Банкѣ. Нужно было краснѣть и краснѣть, и не одна ночь у меня прошла безсонно, не на пирахъ и банкетахъ, а отъ заботъ и желанія, чтобы Господь дозволилъ мнѣ докончить уже разъ тотъ крестный путь».

зать, очами провѣрить свойство страны, намѣчавшейся имъ въ новое отечество для тѣхъ изъ Галичанъ, которыхъ горе и нужда гнали за море, и личное участіе принять въ пріобрѣтеніи нужныхъ для этого поселенія земель, онъ — этотъ шестидесятилѣтній сѣдовласый старецъ, не побоявшись трудовъ не легкаго пути, на крыльяхъ любви полетѣлъ на Кавказъ, осмотрѣлъ нѣкоторые изъ тамошнихъ уголковъ, законтрактовалъ уже ихъ для Галичанъ и... съ пустыми карманами ѣхалъ къ себѣ въ Кіевъ, вызванный извѣстіемъ о болѣзни своей жены. Въ это-то время смерть ни для кого нежданно и казалось для насъ преждевременно, и похитила отъ насъ этого дорогаго человѣка...

Но судьбы Божіи неисповѣдимы и благи... Смертію запечатлѣнное дѣло не можетъ не принести своихъ плодовъ. „Одна колонія уже есть; скоро будетъ и другая“ уже писалъ о. Наумовичъ незадолго до своей смерти и почемъ знать?—можетъ быть и такъ...

VII.

Матеріальное и семейное положеніе о. Наумовича.—Его неподкупное безкорыстіе.

Въ заключеніе своего очерка духовно-просвѣтительной и патріотической дѣятельности покойнаго отца протоіерея Іоанна Григорьевича Наумовича, не лишено значенія сказать хоть нѣсколько словъ объ его матеріальномъ и семейномъ положеніи, тѣмъ болѣе, что это весьма важно въ качествѣ характеристики его духовно-нравственнаго образа и должно еще болѣе освѣтить Христовымъ свѣтомъ самую его духовно-просвѣтительную дѣятельность.

Для изображенія матеріальнаго положенія почившаго мы не станемъ возвращаться очень далеко назадъ—къ его молодымъ годамъ; остановимся на томъ времени, когда онъ послѣ тюрьмы и папскаго отлученія не могъ болѣе оставаться въ Галиціи и долженъ былъ переселиться къ намъ, въ Россію. „Обремененный численнымъ семействомъ, говоритъ отецъ Наумовичъ въ своей автобіографіи, я послѣ катастрофы 1882 года вынужденъ былъ пережить очень тяжелые дни.“ Вслѣдствіе своей политической и церковной безправности онъ буквально не имѣлъ никакихъ средствъ къ жизни, а между тѣмъ на его отвѣтственности лежала *Наука*, которая и сама подвергалась преслѣдованію и ввела въ убытокъ ея подписчиковъ: „Мало кому, пишетъ объ этомъ времени самъ отецъ

Наумовичъ, пришлось прожить такія горькія лѣта, какъ мнѣ по поводу извѣстныхъ процессовъ сдѣланныхъ подписчикамъ *Науки*, въ которыхъ я, желая многихъ моихъ подписчиковъ, уплатившихъ но потерявшихъ росписки освободить отъ судебныхъ преслѣдованій, потерялъ все, что имѣлъ, спасая честь моего любимаго дѣтища". При такихъ-то обстоятельствахъ переселился онъ въ Россію; съ этимъ временемъ совпадала ожидавшаяся катастрофа галицко-русскаго народнаго банка и онъ самъ, едва-едва находившій средства къ существованію въ кредитѣ своихъ друзей, долженъ былъ принять участіе въ хлопотахъ объ этомъ банкѣ. Мы говорили выше, что хлопоты эти причинили ему очень много нравственныхъ безпокойствъ; но мы ничего не сказали о томъ, какъ это участіе его въ дѣлахъ банка выставило на видъ матеріальную необезпеченность отца Наумовича и его крайнее безкорыстіе. Позволяемъ себѣ восполнить этотъ пробѣлъ. „О томъ, какъ мнѣ тогда пилось и ѣлось, писалъ онъ тогда, между прочимъ, въ одномъ письмѣ по поводу пущенныхъ врагами его клеветъ, никто у насъ не станетъ вѣрить; такъ якъ всѣ у насъ знаютъ, что я якихъ бы ни было напитковъ не употреблялъ. Мнѣ завидуютъ, что банкъ платилъ за дорогу; но я могу увѣрить васъ, что все, что я получилъ, далеко не покрыло моихъ убытковъ по изданію *Науки*. Великій благодѣтель нашъ И. А. Вышнеградскій предлагалъ назначить мнѣ изъ банка за наблюденіе за дѣлами 1.000 гульденовъ въ годъ, но я этимъ не воспользовался, чтобы не говорили, что я ѣздилъ за синекуромъ для себя. Хотя для меня въ высшей степени отвратительно писать о моихъ личныхъ дѣлахъ, но я долженъ говорить въ виду клеветъ на меня, тѣмъ больше, что теперь нарочно распускаются нелѣпые слухи, что у меня есть не менѣе 100.000 гульденовъ капитала, что я роскошно живу, что такіе капиталы я накопилъ отъ банка и за принятіе Православія. Вы знаете, что я теперь живу только благодаря вашему кредиту (разумѣется г. Коснкарскій директоръ Галицко-Русскаго Банка въ Львовѣ); недвижимаго имущества у меня нѣтъ, а движимое каждый можетъ видѣть на таможенной площади во Львовѣ № 6, уч. Курьаса... Теперь добрые Русскіе люди, видя меня потерявшимъ все, поспѣшили съ подаяніями и снабдили на нѣкоторое время средствами къ жизни". Такъ писалъ отецъ Наумовичъ въ 1886 году. О томъ, какія средства могли быть и были у него послѣ его смерти, можетъ каждый судить по тому положенію,

какое занималъ онъ, какъ приходскій священникъ и потому еще, что оставшаяся послѣ него семья его [1] принуждена продавать даже библіотеку его, чтобы заплатить долги покойнаго и имѣть средства къ жизни... А въ Новороссійскѣ, гдѣ онъ скончался на пути своемъ съ Кавказа, по сообщенію *Московскихъ Вѣдомостей*, послѣ почившаго остался чемоданъ съ рукописями и брошюрами и до 30 рублей денегъ, наперсный крестъ и золотые часы... Такъ это былъ человѣкъ не только безкорыстный, а и безсребренникъ въ полномъ смыслѣ слова. „Матеріализмъ былъ ему противенъ, пишетъ въ поминовенномъ словѣ о немъ *Галицкая Русь*, характеръ чистый, обширныя знанія, благородная скромность, поэтическая душа, а сердце преисполненное доброты и кротости, однимъ словомъ человѣкъ идеальный — вотъ типичное очертаніе индивидуальности незабвеннаго покойника."

Заканчивая свою автобіографію покойный писалъ: „Этакія происшествія ужасно подѣйствовали на мое здоровье, которое со временъ банковыхъ продѣлокъ сильно пошатнулось, а еще должно было выносить удары ужаснаго шантажа, для котораго трудно найти примѣра. Но все то не погнуло у меня мужественнаго духа", и онъ не перестаетъ ни на минуту служить своей родинѣ словомъ и дѣломъ, забывая часто не только о выгодахъ, но и о потребностяхъ жизни. И этихъ его великихъ личныхъ достоинствъ не отнимаютъ у него даже тѣ, противъ которыхъ боролся онъ всю свою жизнь. Мы разумѣемъ Поляковъ. Такъ напримѣръ, *Gazeta Narodowa*, причисляя отца Наумовича къ необыкновеннымъ талантливымъ людямъ, такъ, между прочимъ, отзывается о немъ: „Кто зналъ его близко, тому извѣстно, что призваніемъ было пастырство, не только въ своемъ приходѣ, но среди всего народа. Имѣлъ онъ къ тому всѣ благородныя свойства сердца и духа, знанія и опытъ. Если кто и отнесся съ порицаніемъ къ его общественной дѣятельности, то долженъ воздать ему особенныя похвалы, какъ пастырю, товарищу, сосѣду и принужденъ удивляться его писательскимъ дарованіямъ, его умѣнью художественно владѣть языкомъ русскаго простонародья. Матеріализма, погони за личными выгодами никто не поставитъ ему въ упрекъ"...

---

[1] Послѣ покойнаго осталась жена и четверо дѣтей. Сынъ желѣзнодорожный докторъ,—три дочери, изъ коихъ двѣ замужнія и одна—дѣвица.

Мы кончили.—Опредѣлить въ достаточной мѣрѣ значеніе дѣятельности почившаго отца протоіерея Іоанна Григорьевича Наумовича на пользу родной ему Галиціи и Славянства вообще, быть-можетъ, не настало еще время; мы и не брались за эту непосильную работу. Мы хотѣли представить лишь общій очеркъ его пастырской и духовно-просвѣтительной дѣятельности и смѣемъ думать, что образъ его, какъ пастыря добраго (Іоан. X, 1—16), который по заповѣди и примѣру Пастыреначальника Нашего Господа Іисуса, видя волка грядуща, не убѣгъ отъ овецъ своихъ, чтобы волкъ расхитилъ ихъ, а въ борьбѣ съ волками — татями и разбойниками за овецъ своихъ душу свою положилъ,—образъ пастыря, который пасъ стадо свое не для того только, чтобы стричь волну съ нихъ и питаться молокомъ ихъ, а чтобъ ихъ водить на пашити — ихъ питать не только словомъ Божіимъ, какъ хлѣбомъ жизни вѣчной, а и хлѣбомъ жизни привременнымъ, думаемъ, что этотъ образъ обрисованъ нами если не съ достаточною полнотою и ясностію, то, по крайней мѣрѣ, съ нелицемѣрною истинностію. Не достающее же въ немъ въ смыслѣ чистоты отдѣлки и полноты изображенія да покроется любовію читателей къ почившему.

2005367059

МОСКОВСКАЯ
ХИРУРГИЧЕСКАЯ
БИБЛИОТЕКА